

Дж. Рэнди Тараборелли

ХИЛТОНЫ

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ЗНАМЕНИТОЙ
АМЕРИКАНСКОЙ ДИНАСТИИ

Эта потрясающая книга
наполнена множеством парадоксальных
и удивительных историй о любви, алчности,
успехе и процветании.

NY Journal of Books

Рэнди Тараборелли

**Хилтоны. Прошлое и
настоящее знаменитой
американской династии**

«Центрполиграф»

2014

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Тараборелли Р.

Хилтоны. Прошлое и настоящее знаменитой американской династии / Р. Тараборелли — «Центрполиграф», 2014

Дж. Рэнди Тараборелли – биограф, прославившийся бестселлерами о жизни американских знаменитостей. Эта книга посвящена могущественному клану Хилтонов, основателем которого стал Конрад Николсон Хилтон – самый крупный и успешный владелец отелей в американской истории. Хилтоны – не только символ богатства, удачи, процветания и благотворительности. Это также сложные судьбы, непростые взаимоотношения, даже соперничество, но всегда, особенно в трудные моменты, сплоченность и предприимчивость, без которых немислимы грандиозные достижения.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

© Тараборелли Р., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Предисловие	6
Пролог	8
Часть I	12
Глава 1	12
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	38
Глава 10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дж. Рэнди Тараборелли
Хилтоны. Прошлое и настоящее
знаменитой американской династии

J. Randy Taraborrelli
Hiltons

A FAMILY DYNASTY

This edition published by arrangement with Grand Central Publishing, New York, USA.
All rights reserved
Copyright © 2014 by Rose Books, Inc.

Фотоматериал предоставлен www.shutterstock.com
Авторские права: Featureflash / Shutterstock.com

Предисловие

Читатели моих книг уже знают, что большинство их посвящено истории какой-либо известной семьи. В этих биографиях речь идет о людях, завоевавших огромную популярность, – суперзвездах эстрады, выдающихся политических деятелях или лидерах американского бизнеса, и мне всегда представляется очень важным показать, в каких условиях они росли и формировались, как проявляли себя в отношениях с братьями и сестрами, какими были супругами и родителями. То есть рассказать об их личной жизни. Ибо каждому из нас есть что поведать о чрезвычайно сложных и непонятных постороннему отношениях со своими близкими родственниками.

В принципе такова же и «Династия Хилтон», и должен сказать, что, собирая для нее материалы, я открыл для себя невероятно интересных и сложных людей, подобных которым мне еще не приходилось описывать за свою долгую работу биографа.

Как и я, вы узнаете, что некоторые из легендарных личностей нашей поп-культуры были люди, буквально создавшие себя, в частности Конрад Николсон Хилтон, который начинал с очень малого бизнеса и тяжело пережил Великую депрессию, но со временем прославился как самый крупный и успешный владелец отелей в американской истории. А также его вторая жена Жа-Жа Габор, венгерская иммигрантка, ставшая одной из самых известных личностей в мире шоу-бизнеса своего времени.

Вы познакомитесь с их детьми, Франческой и Ники Хилтон, соперничавшими друг с другом в борьбе не только за признание своей могущественной семьи, но и за внимание скупого на ласки отца. Вы узнаете Баррона Хилтона, второго сына Конрада, который способствовал росту славы и состояния знаменитой гостиничной империи своего отца.

Кроме того, я расскажу вам о малоизвестных женах клана Хилтонов – Мэрилин, Триш и Пэт, – игравших не последнюю роль в превращении семейного бизнеса в настоящую семейную династию. С этой семьей были связаны и другие знаменитые личности, в частности Элизабет Тейлор, о чьей роли в качестве жены одного из Хилтонов и давнего друга семьи мы впервые подробно поведем на этих страницах. В конце книги вам предстоит лучше понять самую известную и успешную представительницу теперешнего поколения Хилтонов Пэрис, которая – что бы про нее ни говорили – демонстрирует ту же предприимчивость, что и ее великий дед Конрад.

Подобно членам клана Кеннеди – о которых я писал в работах «Джеки, Этель, Джоан» и «После Камелота», – в самые сложные моменты жизни у Хилтонов проявлялись такие важные качества, как любовь друг к другу и способность к взаимопониманию. В самом деле, при всем своем невероятном успехе (а может статься, именно вопреки ему) они выделяются в нашем обществе невероятно крепкими родственными узами. Любовь друг к другу поддерживала их не меньше, чем стремление к воплощению американской мечты – права проявлять инициативу, права на свободное предпринимательство, на успех и счастливую и полную жизнь, которая превзошла их самые дерзкие ожидания.

Надеюсь, эта книга станет своего рода зеркалом вашей собственной жизни: ведь за известностью, успехом, благосостоянием и блеском, сопутствующими имени Хилтонов, скрывается история обыкновенных людей с сильными и слабыми сторонами характера, которые все вместе участвовали в определении своего места в сложной жизни.

Нет более прочного связующего звена, чем семья. Даже если она очень непростая, родственные узы невозможно игнорировать, их нельзя уничтожить. Это они сделали нас такими, какие мы есть. Глядя в зеркало, мы видим своих родителей, сестер и братьев, наших детей, всех, кто появился на свет до нас, кто тихо шел рядом с нами, кто сформировал нас такими, какие мы есть сегодня и какими можем стать в будущем.

Дж. Рэнди Тараборелли
Лето 2013

Пролог

11 июня 1979 года, понедельник

– Конрад Хилтон наверняка ворочается в своем гробу, – сказала Жа-Жа Габор адвокату Майрону Харполу. Они обсуждали по телефону показания под присягой, которые Жа-Жа предстояло дать на этой неделе относительно характера ее отношений с умершим супругом, одним из самых могущественных в мире бизнесменов и гостиничным магнатом. – О, как бы ему хотелось подсказывать, что мне говорить о нем! – добавила она с усмешкой.

– Ну, не уверен, – осторожно отвечал Майрон. Больше тридцати лет он был поверенным Конрада и даже сейчас, через полгода после смерти своего клиента, чувствовал потребность защищать его.

– Оставьте, Майрон! – со смехом сказала Жа-Жа. – Вы же точно знаете, что Конрад был бы рад оказаться там и, сидя за моей спиной, нашептывать мне на ухо нужные ответы!

Действительно, Конрад Хилтон привык все держать под контролем, начиная с себя и кончая, как кое-кто может утверждать, своим окружением. Один из самых успешных бизнесменов в мире, он нажил сотни миллионов долларов, создав сеть отелей, носящих его имя. Вряд ли он сумел бы создать такое громадное состояние, если бы позволял другим диктовать свою волю. Но, несмотря на его решительный и властный характер, коллеги и вообще бизнесмены высоко оценивали его деловые качества. Не менее знаменитой гостиничной империи Хилтона была известна и его филантропическая деятельность. В то же время он отличался чрезвычайно серьезным отношением к своему состоянию и своеобразным представлением о праве на него ближайших членов семьи.

Конрад всегда считал, что родственные связи еще не гарантируют его наследникам беззаботную и благополучную жизнь. Он создал свое состояние, как он выражался, старым добрым способом, то есть собственным трудом. Продукт Великой депрессии, он предпочитал, чтобы родственники унаследовали его отношение к труду, а не его деньги. Время от времени он мог одолжить денег одному из своих четверых детей, но если они не возвращали заем в срок, то утрачивали его доверие, которое нелегко было завоевать снова.

Теперь, когда Конрад умер, у некоторых членов семьи возникли серьезные сомнения относительно его завещания. Ставки были высоки – речь шла о сотнях миллионов долларов. Они чувствовали себя ущемленными, задавались вопросами. По требованию некоторых претендентов на наследство Жа-Жа и должна была поделиться с группой юристов своими личными воспоминаниями о Конраде.

– Скажите, Майрон, а вы сами будете на интервью? – спросила Жа-Жа.

– Посмотрим, – ответил Майрон. – И кстати, дорогая, это не интервью, а показания под присягой.

– Ну, когда люди задают мне вопросы, а я на них отвечаю, то я называю это интервью, – заявила Жа-Жа.

В самом деле, на протяжении последних трех десятков лет она была гвоздем телевизионных ток-шоу, оживленно обсуждая с Мэри Гриффин и Джеком Паром, Стивом Алленом и Джонни Карсоном свою жизнь и время, порой нарочито сгущая краски, чтобы рассмешить зрителей. Жа-Жа была дерзкой, своевольной и бесшабашной; неистребимый венгерский акцент и незаурядная красота привлекали слушателей не меньше, чем ее острый язычок.

– Но помните, что на этот раз вы будете говорить под присягой, – напомнил ей Майрон.

– Ради бога, Майрон! Вы же меня знаете: я всегда говорю правду.

Спустя три дня, в четверг 14 июня Жа-Жа в модном жакете свободного покроя в ярком восточном стиле, разрисованном золотыми и красными полосами, и в туфлях под стать ему, с гордо поднятой головой стремительно прошла мимо стойки регистрации отеля «Бeverли-

Хиллз», делая вид, что не замечает устремленных на нее взоров. Однако на деле она обожала привлекать к себе внимание, что удавалось ей без малейшего труда. В шестьдесят два года она была еще очень красива. Безупречная кожа сияла здоровым блеском, окрашенные в пепельно-светлый оттенок волосы были уложены в пышную прическу. Ее холодные решительные глаза скрывали огромные очки от солнца, какие носят знаменитости. Походка была решительной и целеустремленной, казалось, ничто не может ее остановить. Впрочем, это доказывала сама история ее жизни.

Почти сорок лет назад она прибыла в Америку на пароходе «Президент Грант», битком набитом такими же беженцами из Венгрии, как и она сама. И уже тогда она точно знала, чего хочет от жизни: успеха, счастья, богатства... так называемой американской мечты во всем ее красно-сине-белом сиянии. Она готова была пойти на многое, чтобы все это получить, даже выгодно выйти замуж – что она и делала несколько раз. Считая Конрада Хилтона, семь раз, чтобы быть точным. На данный момент.

Жа-Жа быстро шла по вестибюлю отеля «Бeverли-Хиллз», и дробный перестук ее высоких каблуков разносился эхом. Она кивнула консьержу, который почтительно коснулся своей фуражки, затем по устланному красной ковровой дорожкой коридору быстро миновала знаменитый ресторан «Поло Лонж», вышла из высоких застекленных дверей в чудесный цветущий сад и направилась к ближайшему бунгало. Войдя в бунгало, где ей предстояло давать показания, она мгновенно перевоплотилась в актрису и принялась играть для присутствующей аудитории.

– Боже! Вы только взгляните на этих шикарных мужчин! – воскликнула она, величественно вплывая в комнату. Навстречу ей, широко улыбаясь, встали четверо юристов и судебный секретарь. – Обожаю общество шикарных мужчин! Впрочем, теперь это уже ни для кого не тайна.

– Жа-Жа, очень рад вас видеть, – сказал Майрон Харпол, выходя вперед.

Выпускник юридического факультета Гарвардского университета в безупречном темном костюме протянул ей руку, но она отвела ее в сторону и обняла его.

– Просто невероятно, Майрон, что мы с вами оказались именно здесь, не так ли? – сказала она, оглядывая помещение. – Ведь когда-то этот отель принадлежал моему Кони!

Золотые браслеты на ее запястьях позванивали при каждом взмахе ее выразительных рук.

– Но, дорогая моя, вы ошибаетесь, – поправил ее поверенный. – Он владел отелем «Бeverли-Хилтон», а не «Бeverли-Хиллз».

– А мне кажется, этот отель тоже принадлежал ему! – возразила она, насмешливо глядя на Майрона.

Тот терпеливо улыбнулся и отрицательно качнул головой.

– Впрочем, я не могу винить вас в том, что вы этого не знаете, – заметила она, небрежно взмахнув рукой. – Ему принадлежало столько отелей, что все их и не упомнишь!

Действительно, бывший муж Жа-Жа владел или управлял роскошными отелями по всему миру, большинство которых – например, его любимый знаменитый «Уолдорф-Астория» в Нью-Йорке – отличались не только великолепием убранства, но и исключительным обслуживанием гостей. Хилтон требовал, чтобы постояльцы его отелей обслуживались в высшей степени достойно. И как человек, и как профессионал своего дела он считал это вопросом чести. Поэтому любой отель Хилтона был выше всякой конкуренции, во всяком случае, когда это зависело от Конрада Хилтона.

Не успели Жа-Жа и Майрон закончить этот обмен репликами, как в бунгало вошел еще один адвокат, Ральф Наттер, представляющий интересы наследственного имущества Хилтона. Именно ему предстояло сегодня вести собеседование. Жа-Жа произнесла клятву говорить правду, и только правду, и слушание началось.

Первый вопрос касался рождения единственной дочери Жа-Жа Констанс Франчески, которую все называли просто Франческой. Жа-Жа порылась в своей большой кожаной сумке и извлекла копию свидетельства рождения Франчески от 10 марта 1947 года, выданного в Нью-Йорке.

– Как видите, дочь назвали в честь ее отца, – объясняла она, и секретарь старательно записывал каждое ее слово. – Отсюда и появилось это имя Констанс, от Конрада. – Затем она достала из сумки копию свидетельства о крещении. – И крестили ее в любимой церкви ее отца, – продолжала она. – В соборе Святого Патрика, 4 мая 1947 года.

– Следовательно, миссис О'Хара, сегодня вы подтверждаете, что Констанс Франческа Хилтон является родной дочерью Конрада Хилтона? – спросил Ральф Наттер, обращаясь к Жа-Жа по имени ее теперешнего мужа.

– Да, конечно, – быстро ответила Жа-Жа. Она была уже совершенно серьезна, отбросив всякую игривость. Речь шла о слишком важных вещах.

– Мистер Хилтон имел какие-либо причины сомневаться в этом?

Она чуть помедлила. Лицо ее на мгновение погрузнело, но затем снова приняло твердое выражение.

– Что именно вы хотите сказать? – спросила она, подняв брови.

– Я сформулирую вопрос иначе, – сказал Ральф Наттер. – Миссис О'Хара, у вас были основания полагать, что мистер Конрад Хилтон не считал Франческу Хилтон своей родной дочерью?

– Ну, мистер Хилтон был человеком довольно сложным, – уклончиво ответила Жа-Жа.

– Это не ответ на мой вопрос, – заметил Ральф Наттер.

Она остановила на нем взгляд, полный сдержанной ярости.

– Ответить на этот вопрос не так просто, – сказала она, оглянувшись на секретаря. Очевидно, ее нервировало, что ее ответы записываются.

Ральф Наттер вздохнул, собираясь с мыслями.

– О'кей, миссис О'Хара, – начал он снова, – значит, вы подтверждаете, что Конрад Хилтон считал Констанс Франческу Хилтон своей родной дочерью?

– Могу сказать только одно, – сказала Жа-Жа, – что Конрад Хилтон ни разу не задавал мне вопросов относительно отцовства.

– Вы в этом уверены?

– Да.

– Почему, миссис О'Хара? Почему вы так уверены?

Она посмотрела ему в глаза.

– Потому, что, если бы он задал такой вопрос, я убила бы его!

Адвокат внимательно всматривался в ее лицо, словно пытался понять, не шутит ли она. Затем перевел взгляд на Майрона Харпола. Но тот лишь с усмешкой пожал плечами.

– В таком случае как бы вы описали ваши отношения с мистером Хилтоном? – спросил Ральф Наттер.

Вернув на лицо улыбку, Жа-Жа сделала глубокий вдох и медленный выдох.

– Говорить об этом труднее, чем я думала, – сказала она. – Конрада Хилтона было не очень легко понять. Он был слишком религиозен. Вечно возился с монахами, с церковью. Каждый день посещал церковь или молился в спальне, стоя перед алтарем на коленях. В каком-то смысле, думаю, именно поэтому мы сейчас и находимся здесь. – Она повела рукой вокруг. – Он предпочел бы, чтобы его деньги достались монахиням, а не его семье. Не думаю, чтобы он возразил против этого утверждения. Видите ли, его преувеличенное почтение к церкви и стало причиной нашего развода.

– Миссис О'Хара, каким было ваше первое впечатление от мистера Хилтона?

– Первое мое впечатление было, что я встретила человека, совершенно не похожего на других людей, – отвечала Жа-Жа. – Он был... Он был просто... – Она помедлила, будто подыскивая правильное определение. – Думаю, можно сказать, что он был самым интересным человеком, которого я когда-либо встречала. – Она приняла более удобную позу, с явным удовольствием готовясь к изложению своей истории. – Имейте в виду, до него я была знакома с особами королевской крови из Европы, но этот человек был особенным. Он очень напоминал мне моего отца – такое же волевое лицо, цвет глаз, коротко подстриженные седые усы. У него были уверенные манеры человека властного и волевого. Он был очень ответственным. Вы чувствовали, что этот человек всегда о вас позаботится. Он был таким надежным... таким... настоящим американцем. Мне казалось, что он олицетворял в себе все черты американца. Да-да, – решительно заключила она, – я с первого взгляда поняла, что не смогу его забыть. Я знаю, что из всех мужчин я буду помнить Конрада Хилтона.

– ...До конца своих дней? – с улыбкой закончил за нее адвокат.

Казалось, даже он был увлечен воспоминаниями Жа-Жа о человеке, который очаровывал и терзал ее в течение лучшей поры жизни.

– Вот именно, – отвечала она ему с улыбкой и кивком. – До конца моих дней.

Часть I Конрад

Глава 1 Проклятие амбиций

Декабрьским утром 1941 года Конрад Хилтон вышел из распахнутых настежь дверей роскошной спальни в патио своего особняка в испанском стиле, находящегося на Белладжио-Роуд в Беверли-Хиллз. Пройдя несколько шагов, он остановился и, как всегда поутру, устремил взгляд на расстилавшееся перед ним поле для гольфа, принадлежавшее клубу «Бель-Эйр Кантри». Только что прошел дождик, небо очистилось, и утреннее солнце заливало своим ярким светом ухоженное 18-луночное гольф-поле. Воздух благоухал свежестью. Вдали, за мягкой линией зеленых холмов, на фоне неба четко вырисовывались силуэты небоскребов Уэствуда, напоминающие сторожевые башни. Великолепный белый подвесной мост длиной в 300 футов, переброшенный над каньоном от ти¹ к грину, сверкал в золотистом сиянии только что взошедшего солнца. Открывавшийся отсюда вид буквально зачаровывал.

Превосходный рассказчик, Конрад любил вспоминать историю о миллионере Говарде Хьюзе. В октябре 1936 года, желая произвести впечатление на Кэтрин Хёпберн, он посадил свой аэроплан на восьмом фервее². «Кейт как раз училась гольфу с инструктором, они находились вон там, – говорил Конрад на своем тягучем техасском диалекте, показывая вдаль. – И уж будьте уверены, старина Говард посадил свой двухместный аэроплан – амфибию Сикорского – точно на фервей. Потом как ни в чем не бывало соскочил на землю с клюшкой в руке, подошел к ним и сказал: «Не возражаете против третьего игрока?» И будь я проклят, если его сразу не приняли в игру! Ну, как вам это понравится? – спрашивал Конрад, хлопая себя по колену и закатываясь смехом. – Вот как нужно ухаживать за дамами!»

Конрад Хилтон обладал привлекательной внешностью. Высокий, худощавый, с сединой на висках, с четкими правильными чертами лица и пронизательными голубыми глазами, порой казавшимися зеленоватыми, он гордился тем, что и в пятьдесят пять лет сохранял отличную физическую форму. Ему предстояло отметить этот день рождения всего через пару недель.

Одетый в бордовый бархатный халат и в такие же домашние туфли, Конрад повернулся посмотреть, как садовники старательно поливают садик, обнесенный стеной из известняка. Тем временем во внутренний дворик вышли другие слуги и стали протирать легкую садовую мебель на случай, если кому-то захочется здесь отдохнуть. Справа доносились возбужденные крики его сыновей, гонявших мяч со своими школьными приятелями. В дальнем крыле особняка то и дело звонил телефон. Пока ремонтировался недавно приобретенный Конрадом офис в отеле «Беверли-Хиллз», его стремительно развивающийся на Западе бизнес управлялся из дома, так что телефоны начинали звонить с самого утра и не утихали весь день. Служащие должны были появиться в десять утра, а до тех пор к телефонам никто не подходил. В имении Хилтона царили строгие порядки, можно сказать, что здесь чтит старые добрые традиции. Этот день тоже обещал быть трудным.

– Завтрак готов, сэр, – произнес за его спиной женский голос, и его личная горничная Мария вкатила в комнату металлический столик.

¹ Т и и, далее, г р и н – термины игры в гольф, определенные участки гольф-поля.

² См. примеч. 1.

Ее полное имя было Мария Елена Эспиноза де Амате. Она и ее муж Хуан приехали из Испании два года назад. Вскоре после своего приезда в Лос-Анджелес Мария стала работать у Конрада старшей над другими шестью горничными, которые обслуживали весь особняк. Конрад нанял и Хуана, поручил ему ухаживать за территорией поместья вместе с остальными садовниками и сторожами. Надо сказать, что Мария заслужила его особое доверие; он считал ее не просто горничной, а скорее своим другом. Тем не менее она всегда почтительно обращалась к нему «мистер Хилтон» или «сэр».

– Подать завтрак в патио, сэр? – спросила Мария. – Сегодня прекрасная погода.

Получив согласие Конрада, Мария проворно накрыла столик свежей белой скатертью из органди и подала завтрак на одну персону. Спустя много лет ее дочь Кони вспоминала: «Мама говорила мне, что каждый день она делала одно и то же. Ставила на стол одну тарелку с парой столовых приборов, одну чашку для кофе, один стакан для сока. В центре стола ставила хрустальную вазу с одной розой. Когда она подавала ему еду, обычно что-нибудь простое, яичницу или блинчики, мистер Хилтон мрачно следил за ней и говорил: «Снова только мы с тобой, Мария. Только ты и я». Такие уж у них были отношения».

В 1925 году Конрад женился на Мэри Аделаиде Баррон, которая родила ему троих сыновей: Конрада-младшего (Ники), Баррона и Эрика. А в 1934-м, почти через год после рождения Эрика, они развелись. Расставание проходило очень болезненно, и многие считают, что по настоящему Конрад так и не смирился с ним. Поскольку он был истым приверженцем Римско-католической церкви, развод заставил его пережить тяжелый конфликт с верой. С тех пор он встречался с несколькими женщинами, но быстро терял к ним интерес. Ни одной женщине не удавалось надолго – завоевать его сердце – во всяком случае, после Мэри Баррон.

Сказать, что Конрад Хилтон был завидным женихом, значит ничего не сказать. Он уже приобретал известность как «владелец отелей для всего мира». Открыв несколько отелей, названных в его честь, в Техасе, Калифорнии и Нью-Мехико, он устремил свой взгляд на Нью-Йорк и даже на весь мир.

Для своего времени Конрад был новым типом бизнесмена – он обладал оптимизмом, когда, казалось бы, для этого не было никаких оснований, особенно во время войны и Великой депрессии. Он глубоко верил в Америку и в ее способность со временем снова встать на ноги, стать более великой нацией, чем прежде, и обрести процветание. Но больше всего ему хотелось быть на переднем крае национального возрождения. Он был глубоко убежден в том, что расширение его сети отелей в Европе будет способствовать развитию в ней туристической индустрии, а следовательно, транспорта, принося раздираемому борьбой континенту доллары, в которых он так нуждался.

Вместо того чтобы приступить к завтраку, Конрад вернулся в свою спальню. Украшенная ценными старинными вещами и прекрасными художественными полотнами, эта комната, скорее эти покои со сводчатым темно-синим потолком и окнами от пола до потолка были достойным местом отдыха одного из крупнейших бизнесменов мира. Входить в это святилище позволялось только Марии Амате. Она поставила себе за правило каждый день украшать комнату свежими цветами, наполнявшими комнату своим тонким ароматом.

У одной стены стояла старомодная деревенская кровать ручной работы в испанском стиле, настолько простая, что казалась взятой из монастыря. Рядом с ней располагался алтарь с искусно вырезанными изображениями святых, свечами, молитвенником и золотым распятием, перед которым Конрад молился перед сном, опустившись на колени на маленький персидский коврик. Когда ему было десять лет, его первый исповедник отец Хулес Дерашес сказал ему, что если он трижды прочтет молитву «Аве Мария», а потом «Святой Иосиф, молись за нас», то Бог всегда о нем позаботится. Поэтому все последующие годы, вот уже сорок с лишним лет, он всегда начинал вечернее служение перед алтарем с этих молитв именно в этой последовательности.

Он был глубоко верующим человеком, его вера всегда была для него источником поддержки и утешения. Тем не менее он часто задавался вопросом, как получается, что такой искренне верующий человек может быть до такой степени одиноким. «Пожалуй, это можно назвать проклятием человека с амбициями, – заметил он как-то одному из близких друзей, рассказывая о своей жизни. – Может, я даже ходячий этому пример. У меня есть все. Но порой я чувствую, что у меня мало что есть». Он так долго пребывал в одиночестве, что объектом его страсти стали неодушевленные объекты. Он стал относиться к своим отелям как к женщинам. «Это, конечно, гранд-дама», – говорил он об одной из своих гостиниц в Техасе, «Абилин-Хилтон». «С ней не сравнится ни одна женщина», – отзывался он о своем «Даллас-Хилтоне». «К счастью для меня, она не могла бы найти лучшего поклонника», – заявил он как-то по поводу отеля «Сэр Фрэнсис Дрейк» в Сан-Франциско. Единственное, что он ценил превыше всего и что доставляло ему самое большое удовольствие, – это его работа. Могло ли это однажды измениться? Он был готов к переменам, но особенно на них не рассчитывал.

Несмотря на огорчения из-за отсутствия любви, Конрад Хилтон считал, что в целом его жизнь сложилась удачно. Он заслужил свой успех упорным и напряженным трудом. И все-таки ему чего-то не хватало. Но вскоре, как и всегда, когда его внезапно одолевало одиночество, он с головой погрузился в работу, заполняя щемящую душу пустоту. И хотя порой, оглядываясь на этот отрезок своей жизни, он думал, что, пожалуй, ему лучше было бы оставаться одному – некоторые женщины, с которыми он готов был связать свою жизнь, никогда не оставляли его в покое, – он был не из тех, кто боится риска. Напротив, он любил риск, был игроком по натуре, жаждал получить от жизни все, и к черту последствия!

Глава 2

Неудачное начало

Чтобы полнее представить поразительный переход Конрада Николсона Хилтона от скромного начала карьеры к вершине славы и успеха, стоит вернуться к его отцу Августу Халворсену Хилтону, или просто Гусу, родившемуся в Норвегии 21 августа 1854 года, здоровенному красивому норвежскому иммигранту. А также к его матери, Мэри Женеви́еве Лауферсвейлер, которая родилась 3 декабря 1861 года, маленькой женщине с тихим голосом, истовой католичке немецкого происхождения. Они поженились в день рождения Линкольна в 1885 году в городке Форт-Додж. Конрад унаследовал от отца серьезное отношение к работе и неумное честолюбие; от матери – нравственные принципы и крепкую веру.

Дружные и преданные друг другу супруги Хилтон были абсолютно разными и внешне, и по темпераменту. Гус был высокого роста и крупного телосложения с внешностью киногероя: глубоко посаженные темные глаза и холеные усы со слегка свисающими кончиками. Мэри носила скромную прическу с прямым пробором и узлом на затылке; уже через пару лет замужества она поседела, хотя была еще очень молода. У нее были лучистые карие глаза, точеный носик и пухлый рот на округлом лице. Он был шумным и самоуверенным; она была тихого и кроткого нрава. Оба были одинаково преданы католической вере, которая создавала надежный фундамент для их долгой совместной жизни.

Первой у них родилась дочка Фелис, а через два года снежным рождественским вечером появился на свет Конрад. Названный в честь своего деда по матери Конрада Лауферсвейлера и местного доктора Николсона, принимавшего роды, Кони был вторым из восьми детей (четырех дочерей и четырех сыновей), родившихся у них за одиннадцать лет. Почти все дети родились в глинобитной хибарке, где была и лавка Гуса, торговавшая всем подряд и гордо величавшаяся «А.Х. Хилтон». Она находилась в городке Сан-Антонио. Территория Нью-Мексико, в центре огромного нагорья и голых скал, на полпути между Альбукерке и Эль-Пасо, то есть в Техасе, недалеко от реки Рио-Гранде.

Уже в детстве в мальчике чувствовался сильный, волевой характер. На детских фотографиях это крепкий мальчуган с оттопыривающимися ушами, аккуратно причесанными темными волосами, пристальным взглядом и скупой улыбкой. Остальные члены семьи на фото всегда улыбаются, а Конрад выглядит серьезным и сосредоточенным. Как старший сын в семье, он с детства помогал отцу в лавке. Таким образом он перенимал у отца его отношение к работе, познавал правила спроса и предложения, совершенствовал чутье и ремесло предпринимателя, верно служившие ему всю жизнь. Он сам придумал заняться выращиванием овощей на маленьком участке отца, которые затем продавал, обходя дом за домом. Хотя его едва было видно над стойкой лавки, он появлялся в ней почти каждый день после занятий в школе. Там он на собственной шкуре узнал, что такое тяжелый труд и умение торговаться с покупателем.

«Во время работы отца в лавке деда у него проявилось врожденное искусство переговоров, – вспоминал сын Конрада Баррон. – Охотники приносили в магазин кожу убитых ими животных, и он торговался с ними по цене. Ведь что бы вы ни покупали – кожу или отели, ни одна сделка не обходится без серьезных переговоров».

В это время семья понесла первую тяжелую утрату, смерть двухлетнего Джулиана, пятого ребенка и третьего сына. Все были безутешны, впервые в доме не было слышно детского лепета. Семья пришла в себя только с рождением Розмари, что произошло в 1898 году. Теперь, когда из колыбельки снова доносилось сладкое посапывание младенца, все почувствовали, что их дом стал прежним, настоящим семейным домом. В 1901 году семья пополнилась еще одним мальчиком, Гусом-младшим, которого дома звали Бой, а в 1906-м у них родилась четвертая дочка, Хелен. По мере прибавления семейства Гус пристраивал к дому по комнатке. Его дети не

могут тесниться в одном помещении, у каждого ребенка должно быть собственное пространство, считал Гус, что было необычным для того времени. Но это вовсе не значило, что семья жила роскошно. На фотографиях можно видеть жалкое строение, грозившее рухнуть в любую минуту. «Здесь мы рассказывали друг другу о стране ковбоев, – рассказывал один из Хилтонов третьего поколения. – О ковбойских шляпах, лошадях, почтовых каретах, грязных дорогах в лунном свете, о салунах, о фортах и других укреплениях».

Конрад с удовольствием ездил на своем пони Чиките в местную школу об одной комматке. И хотя он отлично болтал на английском и испанском, чему помогало общение с американскими и мексиканскими ребятами, когда мальчику исполнилось двенадцать лет, Мэри решила, что он получает недостаточное образование. Поэтому отправила его учиться в военное училище Госса в Нью-Мехико, что было тяжелым ударом для привязанного к дому мальчика. Ему очень не хотелось туда ехать, но ослушаться он не посмел. Там он продолжал обучение, вынужденный носить стесняющую движения кадетскую форму из серой фланели с черным кантом. Он показывал хорошие успехи только в арифметике, часто попадался после уроков в мюзик-холлах, куда учащимся запрещали ходить, – это был один из его способов проявления недовольства строгими военными порядками. Когда училище сгорело дотла, он обрадовался, что теперь сможет вернуться домой в Сан-Антонио, но радость его была преждевременна. Полковник Госс просто арендовал другое помещение, и учеба продолжилась. Однако теперь Марии показалось, что училище уделяет мало внимания религиозному образованию, поэтому забрала сына и отдала учиться в приходское училище при монастыре Святого Михаила в Санта-Фе, которое устраивало ее по двум причинам – оно было католическим и славилось своими строгими требованиями к ученикам.

На летние каникулы Конрад возвращался в Сан-Антонио и работал за пять долларов в месяц в лавке отца, который постепенно расширял свое дело. Теперь здесь располагались почтовая и телеграфная конторы, агентство по продаже «студебекеров», платная конюшня, продавались стройматериалы и подержанная мебель. Гус Хилтон был прирожденным предпринимателем. Он не только управлял магазином, но и вел товарообменные сделки с золотоискателями, снабжал их снаряжением, одеждой, провизией и деньгами в обмен на процент от их добычи. Время от времени он ездил в прерию продавать табак и еду звероловам, ставящим капканы на бобров, обменивая свои товары на их улов. Гус постоянно был занят работой, и был жестким не только в бизнесе, но и в семье; он предъявлял высокие требования ко всем детям, но особенно к Конраду. Потому что видел в нем собственные черты и мечтал, чтобы мальчик добился успеха в жизни. Оттого он постоянно давил на сына и выражал свое недовольство, хотя порой лучше было бы подбодрить мальчика похвалой.

Если Конрад надеялся, что в награду за его фермерские труды отец оставит его работать в «А.Х. Хилтон», то он ошибался. Осенью его отправили в другую школу, Военное училище Нью-Мехико в Розуэлле, на расстояние 115 миль от дома, что его снова страшно огорчило. Он говорил матери, что это будет «только напрасной тратой времени. Все, что мне нужно знать, я учусь дома». Однако Мэри Хилтон стояла на своем, объясняя, что у него будет достаточно времени изучить бизнес отца – после учебы. А сейчас ему нужно получить серьезное образование. И довольно спорить. В итоге Конрад два года учился в училище Розуэлла, в каникулы, как и прежде, работая в магазине отца.

К пятнадцати годам Кони почти сравнялся ростом с отцом. И хотя тот считал нужным повысить ему заработную плату до пятнадцати долларов в неделю, он не изменил своего отношения к сыну; по-прежнему был строгим и властным наставником, поручал ему все больше заданий, но при этом контролировал каждый его шаг, каждое предложение и решение.

В то лето, несмотря на постоянную занятость в магазине и усваивание необходимых практических знаний, у Конрада стало появляться ощущение, что ему чего-то недостает. Как-то он обратил внимание на лежавшую на швейном столике матери книгу «Оптимизм», написанную

двадцатитрехлетней жительницей Алабамы Хелен Келлер, слепой и глухой от рождения. Он тайком забрал книжку в свою комнатушку и за ночь прочел автобиографию Хелен, вдохновившую и изменившую его. Келлер писала: «Оптимизм – это вера, которая ведет к достижениям; без веры ничего невозможно достигнуть» и «Оптимизм – это гармония между духом человека и духом Господа, когда он восклицает, что Его творения хороши». Эти установки находились в полном согласии с нравственными принципами, усвоенными Конрадом от матери. Книга придала Конраду новые силы, и он твердо заявил родителям, что больше не вернется в школу, что это решение окончательное и бесповоротное – а ведь ему было всего пятнадцать лет. К удивлению подростка, Гус спокойно выслушал его заявление и сказал: «Хорошо, теперь я буду платить тебе двадцать пять долларов в неделю за полный рабочий день». Еще больше Кони поразился тому, что мать полностью поддержала отца. «Мне кажется, родители увидели мою решимость, и это заставило их передумать, – объяснял он позднее. – Должен сказать, я действительно умел за себя постоять».

Вскоре Гус был уже состоятельным человеком благодаря не только умелому ведению дел в магазине, но и удачному вложению средств, в частности в горнодобывающую промышленность. Известный в округе как Кол Хилтон, в 1904 году он значительно увеличил свое состояние, продав угольную шахту за 135 тысяч долларов. На радостях он повез всю семью на Всемирную выставку, устроенную в Сент-Луисе в ознаменование столетия приобретения Соединенными Штатами Луизианы, а также в олимпийский городок, где должны были проводиться первые в США Олимпийские игры. Поездка подстегнула его переехать в другое место. Рассмотрев несколько городов Южной Калифорнии на Тихоокеанском побережье, он выбрал Лонг-Бич, южнее Лос-Анджелеса, за его теплый климат и более легкие условия жизни. По прибытии на новое место Мэри сразу устроила детей в школу, убедив Кони, что ему пора уже завершить свое образование. Они жили в Лонг-Бич до тех пор, пока Кони не закончил школу. Тем временем Гус ездил в Сан-Антонио присматривать за магазином, куда Кони и вся семья должны были возвратиться после окончания им учебы.

В 1907 году в стране внезапно разразился финансовый кризис, лишивший Гуса Хилтона всего состояния. Собрав семью, Гус обрисовал им мрачную ситуацию и спросил, какие имеются предложения. После долгого раздумья Конрад, которому было девятнадцать лет, вдруг поднял голову и радостно улыбнулся.

– Нужно открыть отель! – заявил он. – Возьмем пять или шесть из наших десяти комнат (дома, где они жили) и превратим их в номера гостиницы. Нашему городу нужен отель!

Затем он объяснил, что отец мог бы управлять отелем, а мать и сестры готовить еду. Сам он будет заниматься багажом гостей. Подумав, он предложил брать за место два с половиной доллара. К его изумлению, отец счел его идею толковой! Можно с уверенностью сказать, что это предложение было первой блестящей идеей Конрада Хилтона – самой первой из множества будущих плодотворных идей.

Через полтора месяца новость о новом отеле распространилась по округе и достигла даже Чикаго. «(Говорили), что если тебе нужно отдохнуть во время торговой поездки, то сделай остановку в Сан-Антонио и постарайся достать номер у Хилтонов, – рассказывал впоследствии Конрад Болтону. – У них кормят лучше всех на Западе, и есть один очень расторопный и сообразительный парень. В нашем отеле каждому предоставлялось то, в чем нуждался. Путешественники получали чистоту, комфорт и хороший стол, и все это за два с половиной доллара, хотя мы подавали три полноценных и сытных блюда. Всем нам приходилось много работать, но больше всех, конечно, маме. Я бы и за миллион долларов не научился тому, чему научился за это время, и дал бы миллион долларов за один из маминых ужинов». Конрад не только управлял всеми делами в гостинице, он стоял за стойкой регистрации, был консьержем и осуществлял множество своих выдумок, чтобы предприятие приносило доход. Отец был очень доволен, хотя, по обыкновению, не баловал сына похвалами. Однако он доказал свое доверие

тем, что, когда Конраду исполнилось двадцать один год, он передал в его ведение магазин в Сан-Антонио. Теперь его фирма называлась «А.Х. Хилтон и сын».

Благодаря спасительной для всей семьи идее Конрада получил возможность оплатить учебу в Горном институте Территории Нью-Мексико, находящемся в городке Сокорро, откуда он мог приезжать в Сан-Антонио на выходные или, в случае необходимости, на ночь. Он приобрел в Сокорро неоценимые знания, так как познакомился с высшей математикой, «развившей и подготовившей его ум для любой карьеры, которую он выбрал бы впоследствии».

В 1911 году Территория Нью-Мексико была включена в состав Соединенных Штатов. Конрад, которому было двадцать четыре года, несмотря на возражения Гуса и брата Карла, который в это время уже учился в Морской академии в Аннаполисе, штат Мэриленд, занялся политикой. Вскоре Хилтон был избран членом нижней палаты первого законодательного органа нового штата, где проработал один двухлетний срок как самый молодой представитель Нью-Мексико. Он был автором восьми законопроектов, один из которых запрещал жестокие сцены в кино, а второй предлагал установить необходимые ориентировочные знаки вдоль автострад. «За что бы он ни брался, он всегда проявлял большую изобретательность и способности, – говорил его сын Баррон. – И когда он стал заниматься политикой, что для него было довольно неожиданно, люди стали понимать, что у него большие амбиции, что он способен на большее».

В это время Конрад Хилтон был красивым молодым человеком с темными волосами, разделенными правым пробором, умными зеленоватыми глазами и полными губами, отличавшимся медлительным техасским выговором. Все находили его очень воспитанным и вежливым. Обнаружив, что законотворческая работа слишком скучна, он стал реже посещать местный парламент, с досадой сознавая, что отец был прав. Впрочем, бурная светская жизнь пришлась ему по вкусу. Каждый вечер он выезжал на роскошные балы в местном Капитолии, стал членом высшего общества Санта-Фе и приобрел славу блестящего партнера по танцам.

Деятельная натура Конрада требовала выхода. Не удовлетворяясь жизнью обычного горожанина, в 1913 году в возрасте двадцати шести лет Конрад взял на себя руководство музыкальной группой, образованной из его сестры Эвы, играющей на скрипке, и двух ее подруг. Группа называлась «Трио Хилтон». Девушки выглядели очень эффектно в длинных широких юбках (с пуговицами по центру), перепоясанных широкими кушаками, в блузках с длинными рукавами и пышными оборками и в огромных живописных шляпах. Как всегда, Конрад был не только их менеджером, но также агентом и администратором. Хотя отец говорил, что дело это очень рискованное и может провалиться, Конрад был уверен, что зрители будут ломиться на выступление трио. К сожалению, он ошибся. Несмотря на все его усилия, первая попытка заняться шоу-бизнесом оказалась крайне неудачной, едва покрыв расходы за год. Провал сам по себе достаточно неприятная вещь, но еще тяжелее было сознавать, что предсказания отца оправдались.

Конрад Хилтон возвратился в Сан-Антонио раздосадованный и решительно настроенный добиться успеха без помощи и советов отца. Поскольку в их маленьком городе не было ни одного банка, он решил стать банкиром. И снова Гус предостерегал его, объясняя, что их городок слишком мал для деятельности местного банка, что как раз недавно в соседнем Сокорро открылось несколько банков. Не вняв доводам отца, имея около 30 тысяч долларов (три тысячи были его собственные, остальные он наскреб у друзей и инвесторов), в сентябре 1916 года Конрад основал «Нью-Мексико штат банк Сан-Антонио». Хотя ему было всего двадцать девять лет, он считал, что жители его родного городка доверят свои сбережения его банку. Однако клиенты не появлялись, и к концу года банк закрылся. Еще одна неудача. Неужели отец всегда будет прав?

Казалось, Конраду ничего не оставалось, как снова заняться бизнесом отца, а поскольку к этому времени Гус передал ему часть акций, то теперь он мог стать его равноправным парт-

нером не только по названию, но и по доходам. Но здесь вмешалась судьба и изменила направление его мыслей.

В 1915 году выпущенная с немецкой подводной лодки торпеда потопила в Атлантическом океане британский транспортный корабль «Лузитания». Поскольку Германия продолжала взрывать корабли в Северной Атлантике – в том числе и американские, – через два года, в апреле 1917 года страна, нейтралитет которой до сих пор удавалось соблюдать президенту Вудро Вильсону, присоединилась к союзникам в борьбе против Германии в Первой мировой войне. Конрад, который к этому времени окончил офицерское военное училище и получил звание второго лейтенанта, жаждал получить направление на фронт. Однако военное руководство распорядилось иначе. Учитывая деловой опыт и знания Хилтона в области мануфактурных товаров, его направили в интендантские войска, штаб-квартира которых находилась в Париже, вдали от боевых действий. Днем он выполнял несложные и довольно скучные обязанности, а по вечерам был завсегдатаем кафе и бистро на Елисейских Полях. Этот красивый парень в ладно пригнанном по фигуре офицерском мундире и с широкой победной улыбкой пользовался огромной популярностью.

Пребывание во Франции дало Конраду новое представление о мире, обогатило его опыт, позволив забыть о неудачном начале карьеры. «Раньше я чувствовал себя лягушкой в маленьком пруду, – говорил он. – А теперь (в Париже) я понял, что был всего-навсего головастикиком в огромном океане». Однако вскоре после подписания перемирия его бурную светскую жизнь прервала телеграмма матери, которая сообщила о смерти отца и просила срочно приехать домой.

Хотя Конрад Хилтон торопился сдать дела, чтобы поскорее вернуться в Штаты, он приехал слишком поздно. К его приезду отца уже похоронили. Он тяжело переживал, что не успел отдать последний долг отцу, который его часто критиковал, но которого он все равно очень любил и глубоко уважал. Так случилось, что Гус оказался первым в городе владельцем автомобиля, правда, судя по фотографиям, это был всего лишь старый драндулет. В этом «мерседесе» он и разбился 1 января 1919 года, не сумев вписаться в поворот. Он стал первой в городе жертвой автомобильной аварии. Хотя Конрад знал, что отец хотел бы видеть его продолжателем семейного бизнеса, он прекрасно понимал, что период расцвета Сан-Антонио окончился. И если уж добиваться успеха, то только не здесь.

Глава 3

Владелец отеля

По иронии судьбы, современной технике, создавшей автомобили и лишившей жизни отца Конрада Хилтона, суждено было стать импульсом, подтолкнувшим Конрада к очередному предприятию, обратив его внимание на нефтяные промыслы Техаса. Но он хотел стать не биржевым спекулянтом, а собирался использовать стремительно развивавшуюся вспомогательную структуру, обслуживающую нефтедобывающую промышленность. «Черное золото» за одну ночь делало людей миллионерами, и Конраду захотелось участвовать в этой деятельности. Конечно, мать могла попросить его остаться дома, но она этого не сделала. Позднее он вспоминал: «В который раз моя мама продемонстрировала свою твердую веру в Бога. Скажи она, что я ей нужен, и я остался бы в Сокорро. Но она этого не сказала. Она потеряла мужа, бывшего ей верным другом на протяжении тридцати четырех лет, и нашла в себе силы отпустить только что вернувшегося домой старшего сына. Она любила нас обоих. Она знала, что такое горе. Но она не знала, что такое страх, одиночество или зависимость от поступков людей, потому что была уверена в том, что ее Покровитель никогда ее не оставит, не откажется от нее. Поэтому она твердо сказала мне: «Кони, тебе нужно найти свое поле деятельности».

Зашив 5 тысяч долларов, все свои сбережения, в подкладку пиджака, весной 1919-го Конрад Хилтон, которому было уже тридцать два года, отправился в Техас и остановился в маленьком шумном городке Сиско. Высокий техасец уже начал лысеть, но оставался по-прежнему привлекательным в своем опрятном костюме-тройке с непременно шелковым галстуком. «Я думал только о том, чтобы каким-то образом стать участником того ошеломляющего карнавала, которым был в то время Техас», – вспоминал он. Ему казалось, что здесь он сможет осуществить свою давнишнюю идею открыть собственный банк. Вскоре он услышал, что продается один банк, встретился с его владельцем, и они сошлись в цене. Но судьбе было угодно, чтобы банкир отказался от своего слова и значительно поднял уже оговоренную цену. Глубоко разочарованный, Конрад направился к ближайшей гостинице под названием «Мобли», чтобы обдумать дальнейшие шаги.

Гостиница занимала довольно мрачное двухэтажное строение из красного кирпича и обслуживала весь разнообразный и грубый люд, работавший на нефтяных промыслах. «Мне показалось, что я вполне могу в ней переночевать». Несмотря на ее жалкое состояние, Конрад с удивлением застал в холле множество клиентов, привлеченных низкой стоимостью номеров и ожидающих их освобождения. Оказалось, что владелец принимает клиентов на несколько часов, по три смены в день – это помимо дневного или недельного проживания, и все равно вынужден был им отказывать!

Несмотря на внешнюю неприглядность гостиницы, Конрад оценил ее перспективы. Мысль составить состояние на этой сорокаместной гостинице соблазняла его больше, чем поиски счастья в нефтяном бизнесе. Поэтому, узнав, что хозяин «Мобли» хочет ее продать и сам заняться нефтью, Конрад предложил ему 40 тысяч долларов. Правда, у него было всего 5 тысяч. Но его преданная мать, давно уже видевшая, что ее Кони явно пошел в Гуса, заняла деньги у друзей, взяла ссуду в банке и прислала ему недостающую сумму. Эта, уже вторая попытка заняться гостиничным делом, если учитывать крохотный отель в доме Хилтонов, определила всю жизнь Конрада. Видимо, он и сам это понимал. Оформив покупку, он отправил маме телеграмму: «Поле найдено. Вода здесь глубокая. Спускаю в Сиско свой первый корабль».

Из своего первого опыта с гостиницей Конрад усвоил два самых главных урока: необходимость продуманного использования пространства и привлекательность горячей еды. Поэтому первым делом он решил разобрать вестибюль и большую часть столовой, а из высвободившегося пространства выкроить еще несколько номеров. Затем он уменьшил регистраци-

онную стойку, получив место для торгового киоска. Кроме того, он прикинул, что если убрать из другого конца вестибюля диван и три кресла, то можно будет втиснуть еще и киоск для газет. Приглашенные плотники развили в «Мобли» бурную деятельность, но почему-то стук их молотков клиентов не беспокоил. Напротив, они с интересом наблюдали за переделками. Сам Конрад приветливо общался со своими клиентами, объясняя и рекламируя им преимущества своего нового заведения. В результате вскоре его гости, как он их называл, уже сами восторженно рассказывали знакомым о больших порциях мяса с картофелем, об отличном обслуживании его шустрых служащих и о невысоких ценах за проживание.

Именно тогда Хилтон понял, что успех дела во многом зависит от настроения служащих. Он начал устраивать регулярные собрания своих работников, узнавал об их нуждах и жалобах и каждому старался хоть чем-то помочь. Забота о своих служащих, в которых он видел людей со своими семьями и проблемами, а не просто подчиненных, стала главным деловым принципом Конрада Хилтона, на многие годы вперед определившим его преуспевание в качестве отельера. Вскоре он сформулировал и назвал своим служащим свои личные правила успешной работы и попросил их придерживаться. Его кодекс вполне применим и сегодня – спустя почти сто лет – как секрет преуспеяния. Вот как он изложил его в свое время: «Открой свое призвание, свой талант. Будь добрым и великодушным. Будь честным. Живи не равнодушно, а с энтузиазмом. Не позволяй вещам владеть собой. Не тревожься о своих проблемах. Относись к людям с уважением, не презирай их. Не цепляйся за прошлое. Сознвая ответственность за свое дело. И наконец, не забывай все время молиться Богу».

Теперь, когда у Конрада Хилтона появилась «Мобли», которую он потом называл своей «первой любовью», «прекрасной дамой», казалось, он на верном пути к успеху в изменчивом гостиничном бизнесе. Забыв о банке, он решил полностью отдаться своей новой страсти. Это должно было обеспечить ему постоянный успех. К 1923 году Хилтону принадлежало уже несколько маленьких гостиниц Техаса, в частности «Мельба» в Форт-Уорт, в которых насчитывалось более 500 номеров. Поскольку все они находились в жалком состоянии и на грани закрытия, ему удавалось приобрести их задешево. Затем он вкладывал в них средства, переделывая на свой лад – превращал часть вестибюлей в номера, а иногда в бары, на месте чуланов или стеллажей ставил сувенирные киоски, и вскоре эти гостиницы начинали приносить доход. Казалось, все его предприятия увенчиваются успехом. Он почувствовал необходимость в каком-то слогане, который позволил бы отличать принадлежащие ему отели с характерными для его подхода особенностями. Поразмыслив, он придумал отличное, краткое, но емкое слово – «минимакс». Оно подразумевало минимальную цену за максимум услуг. Он начал использовать этот слоган в рекламах своей быстро растущей сети отелей.

Когда ежегодная прибыль Конрада приблизилась к 100 тысячам долларов в год, он стал мечтать о строительстве отеля, который назовет своим именем. Вскоре он смог осуществить свою мечту, создав корпорацию «Отели Хилтон Инкорпорейшн», куда привлек команду финансовых советников и кредиторов. 26 июля 1924 года он расчистил площадку под строительство отеля «Даллас-Хилтон». Ему исполнилось уже тридцать семь лет. Взяв эту землю в аренду на сто лет, он оформил под нее заем в банке в 500 тысяч долларов, неслыханную сумму по тем временам. Кроме того, он вложил в строительство свои средства в размере 100 тысяч долларов, и еще 200 тысяч дали кредиторы. Когда же этих средств оказалось недостаточно, он уговорил директора похоронного бюро, у которого арендовал землю, ссудить ему деньги на завершение строительства. Казалось, Конрад Хилтон любого мог уговорить! Этому отелю суждено было стать первым из тех, которые он откроет в Техасе за следующие десять лет, включая его отели в Далласе, Абилине, Лонгвью, Лаббоке, Эль-Пасо и Плейнвью. В 1927 году он будет назначен президентом ассоциации «Отели Техаса».

Глава 4

Потерять всё

Фортуна определенно улыбалась Конраду Хилтону. К несчастью, это везение длилось недолго. В октябре 1929 года разразилась Великая депрессия, разорившая не только его, но и большую часть населения Соединенных Штатов. В результате этого крутого поворота в судьбе страны тысячи людей стали бездомными, а многие преуспевающие предприниматели вынуждены были бросить свое дело и идти в разнорабочие, хвататься за любую работу, лишь бы прокормить семью. Бизнесмены намного состоятельнее Конрада оказались в тяжелом финансовом положении. Количество деловых поездок резко сократилось, а те бизнесмены, которые еще вели свое дело, уже не могли позволить себе останавливаться в таких дорогих отелях, как отели Конрада, предпочитая снять на пару дней дешевую комнату в какой-нибудь третьеразрядной гостинице.

Депрессия застала Конрада в самый разгар строительства отеля «Даллас-Хилтон», когда он уже вложил в него громадные средства. Дела шли все хуже, и к концу года Конрад оказался по уши в долгах и потерял все, кроме одного отеля – великолепного «Эль-Пасо-Хилтон», в рекламе о котором говорилось: «Красивейший отель Юго-Запада. В двух шагах от Мехико. Радио в каждом номере!» Имея полмиллиона долларов долгов, он был в буквальном смысле разорен. Ошеломляла скорость обнищания людей. «Я был крайне подавлен, – вспоминал он. – Впрочем, в этот момент нашей истории все, кто занимался бизнесом, оказывались перед угрозой разорения. У меня было ощущение, что если я смогу пережить этот момент, то потом переживу все что угодно».

Но даже в этой тяжелой ситуации Конрад не терял присутствия духа. Он считал, что если удастся сохранить «Эль-Пасо», то он сумеет пережить депрессию. «Он был из тех людей, которые считали, что плохая полоса не может тянуться вечно, – сказал его сын Баррон. – К нему вернулся оптимизм, который он почерпнул еще подростком из книги Хелен Келлер и в дальнейшем всегда его поддерживал. К тому же он горячо верил в Америку, в ее способность воспрянуть духом, и, хотя многие его коллеги по гостиничному бизнесу считали, что точка возврата уже пройдена, что страна никогда не вернет себе былую славу, мой отец никогда не поддерживал эти пессимистические взгляды. Конечно, не сразу, а лишь постепенно, со временем, но все непременно наладится – главное, пережить этот тяжелый момент, говорил он». А пока он сократил количество сдаваемых номеров, отопление и электричество... словом, все, что помогало уменьшить накладные расходы.

Когда подошло время платить за аренду участка под «Эль-Пасо», Конрад договорился по телефону с одним банкиром из Миссури, что тот одолжит ему 40 тысяч долларов, необходимых для сохранения отеля. Хилтон сел на пропеллерный самолет – весьма экстравагантный способ передвижения в то время, но оправданный для решения столь важного вопроса – и прилетел в Миссури, но банкир успел передумать. Конрад пришел в отчаяние. Потеря единственного отеля означала полный крах. Он срочно возвратился в Техас и собрал на совещание своих поставщиков – и мать, которая теперь жила в Эль-Пасо. Он пообещал, что, если каждый из них одолжит по 5 тысяч долларов, чем поможет ему выкрутиться, он будет поддерживать с ними деловые отношения до тех пор, пока будет оставаться владельцем отеля. Почему на этом совещании присутствовала его мать? Могли ли поставщики отказать ему на глазах у Мэри Хилтон, которая сама выразила желание дать ему 5 тысяч долларов и сделала это? В итоге присутствующие на совете семеро бизнесменов согласились выдать ему нужную сумму. Дональд Хабс вспоминал, что Хилтон схватил деньги, «бросился к лифту, помчался в банк и оплатил счет за аренду. Он говорил, что, не найди он тогда этих денег, это означало бы верную гибель его империи».

Хотя Конраду удалось спасти «Эль-Пасо», положение его оставалось крайне тяжелым. Вокруг все рушилось, одна проблема следовала за другой. В какой-то момент в отель «Даллас» явился шериф с постановлением суда. «Я пришел получить платеж, – заявил он Хилтону. – Вы обязаны заплатить, в противном случае я приколочу это постановление в вестибюле». Это был унижительный момент для Конрада, но делать было нечего. «Прибивайте, – скрывая тревогу, невозмутимо сказал он. – Пойду поищу для вас лестницу». Через полчаса шериф вернулся и сказал: «Я не смог найти места для того, чтобы прибить постановление. У вас там все стены выложены мрамором». На что Конрад ответил: «Я уплачу, как только достану деньги». Шериф ушел, согласившись дать ему еще немного времени. Конраду удалось достать деньги, «но это было нелегко», вспоминал он. Еще более критический момент настал, когда мебельная компания, которой он должен был всего 178 долларов, заявила на него в суд. В это время юристы Конрада настойчиво убеждали его объявить себя банкротом. Он стучал кулаком по столу и упорно отказывался это делать, уверяя, что это лишь временные затруднения, что он переживет этот момент.

– Изучая период Великой депрессии, я видел цифры, которые показывали, что в это время обанкротились 80 процентов владельцев американских отелей, – говорит Марк Янг из Колледжа Конрада Н. Хилтона по ресторанному и гостиничному менеджменту. – Люди перестали разъезжать по стране, особенно бизнесмены, номера стояли незанятые. При желании любой кредитор мог потребовать возвращения своих ссуд, в результате чего владелец был бы полностью разорен. Но кредиторы Хилтона видели, что он всеми силами старается выкрутиться из сложнейшей ситуации. Они доверяли ему, к тому же он умел договариваться с людьми, это у него от отца. Например, в Эль-Пасо был один поставщик молочных продуктов, которому Хилтон давно не платил по счетам, и Конрад сказал ему: «Послушай, если ты продлишь мне кредит, я буду брать молочные продукты только у тебя до тех пор, пока буду управлять этим отелем». Так он и делал в течение многих лет. Он никогда не забывал свои обещания. У нас хранится множество его писем к людям, где он писал: «Вы помогли мне в тяжелую минуту, теперь я хочу помочь вам. Не нужна ли вам работа? Или, может, вы хотите приобрести акции нашей компании? Что я могу сделать, чтобы отблагодарить вас за помощь?»

Но тогда, казалось, с каждым днем он приближался к полному краху. «Существует очень добрая история о том, что в какой-то момент ему нужно было срочно отдать долг в 500 долларов, и один посыльный отеля в Далласе отдал ему свои сбережения, которые копил всю жизнь, – вспоминала внучка Конрада Линда Хилтон, дочь его сына Эрика. – Этот посыльный сказал: «Мистер Хилтон, это все мои сбережения, но я хочу, чтобы вы приняли их, потому что я знаю, что вы используете их с умом». Дедушка сказал, что он не берет милостыню, но может принять эти деньги в качестве инвестиции. Он был очень гордым человеком и никогда не сдавался. Он отличался дальновидностью, всегда отдавал отчет в том, куда идет и что делает, никогда не сомневался в том, что сможет довести до конца очередную сделку». Кстати, спустя много времени Конрад возвратил деньги этому посыльному, и тот получил дивиденды по акциям Хилтона, обеспечившие его до конца дней.

Вскоре надежды Конрада Хилтона на силу и решимость любимой страны стали оправдываться; хоть и медленно, Америка вставала на ноги. А с ней начала возрождаться и маленькая империя Хилтона. Из-за его упорного нежелания отказаться от уплаты долгов его репутация в глазах прежних и будущих кредиторов значительно выросла. Крупные поручители и кредиторы еще больше поддерживали его, зная, что ему можно доверять даже в худшие времена, тем более теперь, когда дела у него пошли на лад. «Все готовы были сотрудничать с Конрадом Хилтоном, потому что он так и не объявил себя банкротом, – сказал Дональд Хабс. – Отчасти благодаря этому он и смог в будущем приобрести столько новых отелей».

К 1939-му Конрад расширил свое влияние до Западного побережья, приобретя элегантный и изысканный отель «Сэр Фрэнсис Дрейк» в Сан-Франциско – здание в 22 этажа с 450

номерами и роскошным ночным клубом стоимостью 300 тысяч долларов. Он был оценен в 4100 тысяч долларов, из которых Хилтон заплатил наличными 275 тысяч. Там же, в Калифорнии, ему теперь принадлежали отель «Хилтон» в Лонг-Бич и еще один в Альбукерке, штат Нью-Мексико. Казалось, после окончания Великой депрессии ничто уже не могло остановить Конрада Хилтона.

В 1940-м Конрад наконец переезжает в Лос-Анджелес. Жизнь его сестер и братьев складывалась благополучно. Эрик уехал в Морское училище Аннаполиса, окончил его и получил звание младшего сержанта. Второй его брат, Джулиан, был студентом в Дартмуте. Одна сестра удачно вышла замуж и жила в особняке в пригороде Бостона, вторая стала актрисой, а третья была отличницей выпускного класса школы.

Через год после переезда на Западное побережье Конрад основал первую штаб-квартиру своей компании за пределами Техаса на бульваре Уилшир в Беверли-Хиллз. К этому моменту уже самые заинтересованные американцы прекрасно знали, что отели Хилтона предоставляют комфортабельные номера по разумным ценам. Конрад Хилтон стал одним из главных игроков – скорее даже главным игроком – в гостиничном бизнесе страны, уважаемым не только за чутье и деловую сметку, но и за то, что не только пережил, но и преуспел в те тяжелые времена, когда большинству американских бизнесменов не оставалось ничего, как признать свое поражение.

Глава 5

Мечты о Джорджии

Он не встречал никого, подобного ей. За исключением нескольких особ.

Однажды в Калифорнии, вечером в начале декабря 1941 года, Конрад Хилтон со своей дамой оказались в популярном ночном клубе «Чирос» на Сансет-Стрип в Западном Голливуде, который впоследствии стал «Камеди стор». В этом клубе появлялись все знаменитости Голливуда – Джоан Кроуфорд, Кэрри Грант и Барбара Стэнвик, а перед входом всегда торчали репортеры, чтобы сфотографировать их для утренних газет. Помимо них здесь собирались толпы их поклонников с блокнотами наготове, ловящих момент, когда появятся их любимые киноартисты и, может, удостоят своего автографа. В результате перед ночным клубом постоянно царили шум и суета, то и дело освещаемые фотовспышками камер.

Когда Конрад с подругой протиснулись через толпу и вошли в небольшое помещение, практически одновременно с ними там появились модно одетая молодая дама с красивым спутником; эта пара сразу привлекла всеобщее внимание. То было время «парадных выходов», и вновь прибывшие определенно знали толк в этом деле. Дама в вечернем платье с бирюзовой вышивкой двигалась уверенно и с женственной грацией. Несмотря на небольшой рост, благодаря величественной осанке и высоко поднятой талии она казалась высокой. Красивое лицо ее было обрамлено пышно взбитыми рыжими волосами. Нежная кожа, высокие скулы, прямой точеный носик, миндалевидные глаза орехового оттенка и чувственные губы заставляли предполагать, что эта красавица принадлежит к элите клуба, на самом же деле ей только предстояло добиться успеха в Голливуде.

Следом за ними проследовала не менее эффектная пара – актриса Эва Габор из Венгрии и ее спутник Бентли Райан, один из партнеров юридической фирмы «Баутцер». Эва только начала свою карьеру актрисы, снявшись в небольшой роли в картине «Вынужденная посадка» на киностудии «Парама-унт». Хотя известность Эвы стремительно росла, скорее это объяснялось не актерскими данными, а ее внешностью.

Стройная, очень красивая блондинка двадцати одного года обращала на себя внимание сильным венгерским акцентом, остроумием и живым умом. У истоков ее славы стояла мать, Джоли (Джанси) Тиллеман Габор, честолюбивая еврейка из родовитой семьи, будапештская дебютантка и наследница богатого ювелира. Отцом Эвы был полковник Вилмош Габор, самовлюбленный и властный представитель высшего военного командования Венгрии, который был на двадцать два года старше Джоли. К 1939 году Эва, первая из семьи приехавшая в Соединенные Штаты (со своим тогдашним мужем Эриком Драммером, с которым она в данный момент разводилась), обзавелась в Голливуде агентом и получила контракт в студии «Парамаунт». Однако внимание Конрада Хилтона привлекла не Эва, а ее старшая сестра, двадцатичетырехлетняя Жа-Жа, со своей огненно-рыжей шапкой волос и резко контрастирующим с ней шелковым вечерним платьем. Жа-Жа³, настоящее имя Шари, была второй из трех сестер – третью, старшую, звали Магда – и родилась в Будапеште, тогдашней Австро-Венгрии, в 1917 году. Она эмигрировала из Венгрии в Америку всего три месяца назад.

Хорошенькая и избалованная с детства, Жа-Жа воспитывалась как наследная принцесса, унаследовав от матери чрезмерную самоуверенность, которую демонстрировала всю жизнь. Она получила образование в частной школе в Швейцарии, брала уроки верховой езды, пения,

³ В 1991-м Жа-Жа объяснила Лари Кингу, как она получила это имя: «Жа-Жа меня стали называть в Будапеште. Вообще меня называли Шари Габор в честь знаменитой в Будапеште актрисы [Шари Федак], которую тоже прозвали Жа-Жа». По-венгерски ее имя пишется в одно слово «Жажа», и так она и ее родственники, а позднее Конрад Хилтон стали ее называть. (Примеч. авт.)

балета, игры на фортепьяно и даже фехтования, всегда появлялась в роскошных туалетах и явно готовилась к роли куртизанки. Джоли позаботилась о том, чтобы Жа-Жа, как и ее сестры, научилась говорить на английском, немецком и французском языках. «Жа-Жа может болтать о пустяках на четырех языках», – говорила потом Джоли в одном интервью. В возрасте девятнадцати лет Жа-Жа получила свою первую роль. Ее заметил австрийский тенор Ричард Таубер и пригласил спеть роль субретки в своей оперетте «Поющая мечта». Поскольку Джоли Габор довольно поздно решила стать актрисой, она из всех сил пользовалась славой своих дочерей. В 1936 году она устроила настоящую кампанию, чтобы Жа-Жа получила титул «Мисс Венгрия». Ей было не важно, что дочь не проявляла актерского таланта, и даже то, что у нее еще не было вечернего платья. Ради своей цели она готова была на все: использовала принадлежавший Эве пузырек перекиси водорода, чтобы на время превратить темноволосую Жа-Жа в платиновую блондинку; перерыла гардероб Магды в поисках длинного платья, затем силой привела Жа-Жа за кулисы и буквально вытолкнула на сцену в ряд финалисток. Вопреки всем ожиданиям и благодаря поразительной наглости Джоли Жа-Жа была признана «Мисс Венгрия» 1936 года, но вынуждена была отдать корону, так как ей еще не исполнилось шестнадцати лет. Позднее Джоли уверяла, что Жа-Жа была не только признана «Мисс Венгрия», но едва не получила корону «Мисс Европа» – эту ее выдумку долго повторяли в газетах. На самом деле нет никаких доказательств того, что Жа-Жа вообще принимала участие в конкурсе на это звание, которое проводилось 30 октября в Тунисе. А теперь, в 1941 году, Жа-Жа вела бракоразводный процесс с Бурханом Белдже – пресс-секретарем министра иностранных дел Турции в Анкаре, – чтобы, освободившись от брачных уз, начать охоту за новым мужем, к чему она и приступила, едва успев приехать в Голливуд к сестрам.

Сидя за столиком, Конрад Хилтон разговаривал с техасским отельером Джозефом Дроуном, тем самым, что через пять лет открыл отель «Бель-Эйр» в Лос-Анджелесе. Когда Конрад встал во весь свой рост, Жа-Жа невольно обратила на него внимание. В мемуарах 1960 года она живо передает этот момент: «Он стоял там, высокий, стройный мужчина, седина на висках которого резко оттенялась его загорелым лицом... похожий на индейца из прерий, с зеленоватыми глазами и благородными чертами лица – интересный и видный мужчина, который, скорее всего, был дипломатом. У меня мелькнула мысль, что за такого человека я могла бы выйти замуж».

Позднее она говорила, что Хилтон напоминал ей героев голливудских вестернов, о которых она мечтала еще в Венгрии, таких как Том Микс и Бак Джонс, настоящего американца, твердого и неукротимого нрава, который способен был заслужить ее восхищение и в то же время держать ее в руках. Она огорчилась, когда Грегсон Баутцер объяснил ей, что Хилтон занимается гостиничным бизнесом. Ей это казалось несолидным, втайне она желала, чтобы он был дипломатом или политиком. Для этой роли он выглядел весьма импозантно. И все-таки для нее – во всяком случае, как она это вспоминает – это была любовь с первого взгляда.

Не все поверили восторженному описанию Жа-Жа ее первого впечатления от Конрада. В частности, Шейла Грэхем, которая вела светскую хронику, язвительно писала, что это была любовь с первого взгляда между неподходящей парой: «Первый взгляд Жа-Жа был устремлен на бумажник Хилтона». Возможно, Грэхем была недалеко от истины. В своей автобиографии Джоли рассказывает, что незадолго до отъезда Жа-Жа в Америку она советовала дочери поискать себе мужа среди людей, которые занимаются гостиничным бизнесом. «Почему это?» – спросила заинтригованная Жа-Жа. И Джоли объяснила, что одна ее подруга стала женой директора отеля в Карнеле, штат Калифорния, и что он обеспечил ей роскошную и беззаботную жизнь. «Она говорит, что ей подают прекрасные блюда, что у нее великолепные апартаменты, что все вокруг относится к ней с большим почтением, что у них и знакомых постоянно устраиваются приемы и вечеринки, – рассказывала Джоли своей дочери. – Она говорит, что это обеспечивает хорошую жизнь. Так что имей это в виду». И знакомство с «управляющим

отелем», состоявшееся вскоре после приезда Жа-Жа в Лос-Анджелес, должно было показаться ей добрым знаком.

– Вы позволите присесть? – спросил Конрад Жа-Жа и занял соседний с ней стул.

Они обменялись несколькими фразами, а затем, к удивлению Жа-Жа, видевшей его со спутницей, он пригласил ее на танец. Она сразу согласилась.

Они присоединились к танцующим парам. Жа-Жа, которую всегда привлекали крупные мужчины, почувствовала себя маленькой и хрупкой рядом с высоким и сильным Конрадом. Она не могла не обратить внимания на его элегантность. В пятьдесят четыре года он казался более гибким и подвижным, чем окружающие молодые люди.

– Мне сказали, что сегодня вечером здесь будет одна очаровательная молодая особа из Венгрии, – шепотом сказал он ей, как она вспоминает. – И, ей-богу, меня не обманули! – Но имя Жа-Жа ничего ему не говорило. – Я не говорю по-венгерски, – пошутил он.

Ему показалось, что ее имя прозвучало похоже на Джорджию, и он в тот же момент решил, что так и будет ее называть. По удивительному совпадению, когда Жа-Жа не было и шестнадцати лет, она выступала в женском хоре в Австрии под псевдонимом Джорджия Габор. Когда он сказал, что будет называть ее Джорджией, она кокетливо улыбнулась; ведь ее с раннего детства приучали к роли субретки.

После танца они разговорились. Жа-Жа рассказала, что она только что приехала из Венгрии, что Голливуд успел произвести на нее неприятное впечатление. Здесь какие-то фальшивые люди, слишком много солнца, а у пальм, на ее взгляд, странное сочетание сравнительно тонкого ствола и массивной верхушки. Он оценил ее юмор и рассмеялся искренне, «как мальчишка».

За первым танцем последовал второй, затем третий. Когда они вернулись к своему столу, венгерская красotka устремила на него лукавый взгляд и произнесла, отчаянно коверкая английский:

– Думаю, я могла бы выйти за вас замуж.

Она искусно лавировала на грани смелого флирта и безразличия. Конрад видел перед собой женщину, совершенно не похожую на тех, за какими он охотился, а потом с легкостью бросал. Но она и сама оказалась охотницей. Ее кокетливая фраза застигла его врасплох.

– Вы думаете, что могли бы выйти за меня замуж? – со смехом переспросил он, подражая ее акценту. – Что ж, почему бы и нет?

Вечер пролетел незаметно. В какой-то момент дама, с которой пришел Конрад, исчезла. Он даже не поинтересовался, куда она делась, настолько был увлечен новым знакомством. Среди разговора он предложил Жа-Жа поехать с ним на Ки-Уэст, куда он направлялся навестить своего брата Карла, служившего там офицером береговой охраны. Но сначала он собирался заехать в Эль-Пасо, чтобы устроить матери сюрприз своим неожиданным появлением в день ее рождения. Жа-Жа, притворяясь равнодушной, сказала, что у нее есть свои планы, но, возможно, она присоединится к нему для поездки во Флориду. Они договорились поддерживать связь.

В ту ночь Жа-Жа вернулась в маленькую квартирку Эвы в Голливуде и торжествующе воскликнула:

– Я нашла себе человека для замужества!

Эва не спеша закончила чистить зубы и только потом спросила:

– Какого человека?

– Я говорю о Конраде Хилтоне.

– Не слишком ли он стар для тебя?

– Ничуть, – улыбнулась Жа-Жа. – Он ужасно красивый.

– Сначала турок, теперь техасец, – невольно засмеялась Эва.

Тем временем Конрад сидел за рулем своего черного «кадиллака» с откидным верхом и отделанным красной кожей салоном, возвращаясь в свое имение Бель-Эйр. Как он потом вспоминал, дома он сначала уселся во внутреннем дворике, чтобы выпить перед сном стакан бренди. К этому времени его сыновья, а также все рабочие и служащие уже спали, и над поместьем царила безмятежная тишина, которую нарушал только едва слышный шорох листвы деревьев. Сидя под ясным калифорнийским небом, усыпанным сверкающими звездами, Конрад невольно улыбался. Эту ночь он никогда не забудет.

Глава 6

Полное одиночество

7 декабря 1941 года, через три дня после дня рождения Мэри Хилтон, японцы атаковали Пёрл-Харбор. Конрад Хилтон с матерью несколько недель провели в Эль-Пасо, как и все в мире ожидая, что теперь будет. Потом он рассказывал, что 25 декабря, когда ему исполнилось пятьдесят пять лет, он почти весь день молился в церкви о мире.

28 декабря Конрад отправился в Нью-Йорк по просьбе своего друга Арнольда Киркби, основателя сети отелей «Киркби». (Много лет спустя Киркби станет известным как владелец особняка Бель-Эйр, в котором снималась комедия «Деревенщина из Беверли-Хиллз».)

– Я прослышал про отель «Пьер», – сказал он Конраду. – Что, если нам провернуть маленькую сделку?

Конрад всегда тщательно взвешивал возможности отеля, который собирался приобрести, но на этот раз он решил быть еще более осмотрительным. Теперь, когда страна вступила в войну и сражение приблизилось к берегам Америки, никто не знал, чего ожидать. Во всяком случае, число путешественников резко сократится, так как экономика страны будет переведена на военные рельсы. Конрад согласился осмотреть отель на Пятой авеню, но не принимал этой идеи всерьез, хотя по-прежнему мечтал открыть свою гостиницу в Нью-Йорке. Все прежние успехи казались ему незначительными, когда он размышлял о ценной недвижимости в Нью-Йорке. Но момент был неподходящим, а Конрад Хилтон всегда придавал большое значение своевременности сделки.

И вот в канун Нового года Конрад Хилтон в полном одиночестве сидел в прокуренном и шумном баре Манхэттена. Для него это было непривычно – в Лос-Анджелесе он всегда был самой заметной фигурой на любой вечеринке, а он часто их устраивал, отмечая открытие одного из новых отелей или другие удачные сделки. Он умел непринужденно общаться с гостями, для каждого собеседника находил интересующую его тему – будь то экономика, спорт или развлечения, но сам предпочитал поговорить о недвижимости, политике и религии. Хотя он имел друзей среди выдающихся личностей и лиц, занимающих важные посты в штате и правительстве, по природе он был невероятно застенчив. «У него были друзья на все моменты жизни, – сказал Дональд Хабс, почетный директор Фонда Хилтона. – С одним он играл в гольф, с другим ездил верхом, с кем-то играл в карты и всякое прочее. Но близкого друга у него не было. Во многих отношениях он был очень замкнутым человеком». И сейчас, в канун Нового года Конрад снова чувствовал себя невыносимо одиноким.

Пока Конрад сидел со стаканом сухого martini, часы пробили двенадцать, и все вокруг стали поздравлять друг друга с Новым годом, целоваться и обниматься. Как позднее он вспоминал, никогда еще люди так не раздражали его.

– Эй, приятель, с Новым годом! – радостно хлопнул его по плечу какой-то человек.

– С Новым годом, дружище, – с горечью ответил Конрад, подняв свой бокал.

Шумное празднование Нового года только усугубляло его мрачное настроение. Хотя он достиг большого успеха, все вокруг словно говорило, что у других есть то, чего нет у него, – теплые отношения между супругами или партнерами, счастливая совместная жизнь. И пусть ни у кого из них нет большого богатства, они владели чем-то более важным и ценным. И, размышляя о своей жизни, он был недоволен собой. Насколько приятнее было бы оказаться сейчас дома, с сыновьями!

Около двух часов Конрад возвратился в отель, чувствуя себя старым, пьяным и несчастным. Сон не приходил. Когда утром 1 января 1942 года над Восточным побережьем заалело солнце, Конрад снял трубку и позвонил женщине, которую начал рассматривать как возможную спутницу своей жизни, – Жа-Жа Габор, находившейся в Лос-Анджелесе. Несмотря на

столь ранний час, она обрадовалась его звонку. От одного звука ее голоса у него поднялось настроение.

– Когда вы возвращаетесь, Кони? – спросила она, и он с трудом понял ее речь с сильным акцентом, усугубленным дальним расстоянием. – Я скучаю о вас, – сказала она, во всяком случае, так он понял. – Не могу дождаться, когда снова вас увижу.

– Джорджия, а почему бы вам не приехать во Флориду? – спросил он, имея в виду поездку, о которой он говорил ей в первый вечер их знакомства. – Я еду туда повидаться с братом.

– Но, Кони, я не могу себе это позволить. У меня нет денег.

– Дорогая, разумеется, я оплачу вашу поездку, – сказал он. – Билет в оба конца. Пожалуйста, приезжайте.

(Полеты на самолетах в то время только начинались, и люди редко ими пользовались даже для того, чтобы пересечь страну.)

Последовала пауза, затем она сказала:

– Видите ли, я еще не разведена. – Он был поражен, так как не знал, что она уже состояла в браке. – Это было бы нехорошо, Кони. Я не хочу, чтобы вы считали меня такой девушкой.

Он невольно засмеялся. Какой бы она ни была, скоро он с ней встретится.

– Хорошо, – сказал он. – Я все понимаю, Джорджия. Увидимся вскоре, в этом, новом году.

Положив трубку, Конрад продолжал думать о Джорджии. Не каждая девушка смогла бы отклонить его великодушное предложение. По его мнению, это говорило в пользу Джорджии. Во всяком случае, казалось, она не просто хочет совершить приятное путешествие за его счет. Но ему не давал покоя ее предыдущий брак. Когда она успела в столь юном возрасте выйти замуж и уже заниматься разводом? Его одолевали сомнения, и все-таки он никак не мог выкинуть ее из головы.

Вскоре Конрад приехал во Флориду к своему брату Эрику. Затем, как обычно, отправился на поезде снова в Лос-Анджелес. Однако теперь он предчувствовал, что в его жизни могут произойти кое-какие перемены. Во всяком случае, глядя в окно своего купе, он постоянно размышлял о Джорджии и о том, кем она может для него стать.

Глава 7

Приобретение «Таун-Хауса»

– Красивый дом, – сказал Конрад Хилтон. – Пожалуй, я бы его купил. А ты что думаешь?

– А сколько он стоит? – поинтересовался его друг Артур Форестер, член правления директоров его компании, которому со временем суждено было стать пресс-секретарем Хилтона.

– Как раз это я и хочу выяснить, – отвечал Конрад.

Холодным январским днем 1942 года друзья находились в новом особняке Конрада в испанском стиле на Белладжио-Роуд в Беверли-Хиллз. Внушительный и роскошно обставленный особняк говорил о достигнутом Конрадом успехе. Они сидели в кабинете, где происходили самые важные события: обсуждение покупки новой недвижимости, разговоры с сыновьями о школьных проблемах, внушение им отцом необходимости молиться Богу и усердно трудиться. Вообще, если возникала потребность разговора по душам, Конрад уединялся с собеседником в своем кабинете, настоящем святилище.

И какой это был кабинет! Но не сразу он приобрел теперешний вид. Просторное помещение с потемневшими от времени деревянными балками потолка и тщательно натертым паркетом, покрытым дорогим марокканским ковром, потребовало много усилий, чтобы превратить его в комфортабельный кабинет. Центральное место занимал массивный камин, отделанный мрамором, с деревянной полкой, где были расставлены фотографии членов семьи в золоченых или серебряных рамках. Центр комнаты занимал старинный стол с огромной вазой, наполненной свежими фруктами. Фрукты заменялись свежими три раза в день. На расставленных в живописном порядке маленьких столиках и стойках красовались большие вазы с яркими цветами, освежая помещение своим благородным ароматом. Стены были выкрашены в сливочно-желтый цвет.

Большой письменный стол из ценной древесины агарового дерева придвинут к стене, рядом выстроились три кожаных кресла для деловых партнеров. Но для отдыха с детьми и интимных разговоров с друзьями Конрад предпочитал располагаться у камина, где стояли два дивана и кресла, обитые светло-желтой тканью, антикварный кофейный и два журнальных столика. В комнате всегда царил мягкий свет, исходящий от старинных светильников с окрашенными в янтарный цвет лампочками, который Конрад предпочитал для атмосферы уюта и тишины даже днем. Две стены целиком занимали полки африканского черного дерева, где были расставлены сотни книг без суперобложек, чтобы они выглядели одинаково. Конрад тщательно следил за тем, чтобы его книги – среди которых было много ценных и редких экземпляров, в том числе первые издания, – были расставлены в строгом порядке, подбирая их по размеру. Например, большие тома размером с чайный столик не должны были стоять рядом с книгами меньшего размера. При этом они располагались в строгом алфавитном порядке по именам авторов. Однако – еще одна странность его характера – Конрад вовсе не был страстным книголюбом. Более того, он вообще не читал книг! На одном из столиков постоянно лежала стопка журналов – «Лайф», «Тайм», «Ньюсуик», «Эсквайр» и «Пари матч», но никто не видел, чтобы он хотя бы просматривал их. Иное дело ежемесячные журналы о недвижимости и гостиничном бизнесе – их он постоянно и внимательно изучал. Здесь же находилась и стопка комиксов «Таинственные истории», принадлежавших Баррону.

В углу стоял телевизор фирмы «Филко», представлявший собой резной деревянный шкафчик высотой в три фута с экраном диагональю в шесть дюймов, шестью кнопками и одним маленьким динамиком. По тем временам это было непривычной роскошью, американское телевидение появилось только в 1939 году. Однако телевизионный приемник практически был бесполезен, поскольку в 1942 году из-за войны большинство станций были отключены.

Лишь иногда показывали какие-то передачи, но расписания не было. Если человек включал телевизор и на экране возникали полосы статических помех, это уже вызывало приятное удивление. «Вот вам и прославленный аппарат с маленьким окошком», – шутил Конрад, кивая на отключенный от сети приемник, один из примерно тысячи во всех Соединенных Штатах.

Он добился огромного успеха.

Это поместье было поистине роскошным, совсем не похожим на дома, где ему приходилось жить, даже на те, о которых он только мечтал. Его мать никак не могла привыкнуть к тому, что сын сумел так преуспеть за столь короткое время, и, навещая его, подолгу расхаживала по дому и парку, восторгаясь окружающей роскошью. Те же чувства испытывали его сестры и братья.

Родственникам и знакомым не верилось, что Конраду удалось стать таким успешным и знаменитым бизнесменом, в то же время все единодушно считали, что при его характере и трудолюбии это было естественно. Он заслужил свой успех и радовался ему вместе со своими близкими людьми. Но времени предаваться радости у него не было, слишком много дел требовало его внимания.

Конрад снял трубку и набрал 0 для вызова телефонистки.

– Мэм, я хочу заказать разговор с Нью-Йорком, – сказал он и назвал номер телефона своего старого друга Арнольда Киркби в Биг-Эппл (Большом Яблоке), как иногда называли Нью-Йорк.

– Ну, дружище, так сколько ты хочешь получить за «Таун-Хаус»? – спросил он, когда Киркби подошел к телефону.

– Ну, думаю, мы с тобой договоримся, – отвечал Киркби. – Только не расстраивай ни меня, ни себя, не называй слишком низкую цену.

Конрад помедлил, улыбнулся Артуру Форестеру и решил начать с цифры, которая вряд ли устроила бы Арнольда Киркби.

– Ну, пожалуй, – заговорил он, сильнее обычного растягивая слова, – я мог бы предложить тебе, скажем, 750 тысяч.

Киркби засмеялся.

– Ты шутишь, – сказал он. – 950 тысяч. Вот что я за него хочу. 950 тысяч.

– Это ты, наверное, шутишь? Я же был там, Арни. Практически дом пустует. Может, я и смог бы вернуть ему жизнь, но даже я не способен на чудеса. Так что – как знать. Если не продашь его мне, то кто его купит?

Киркби это понимал. Желающих снять квартиру в этом доме не было.

– Ладно, – с горечью сказал он. – Тогда 900 тысяч. Можешь забирать его за 900 тысяч. Только это моя последняя цена, – предупредил он.

– 800 тысяч, – мгновенно возразил Конрад. – Думаю, восемьсот звучит приятнее, мне всегда нравилась цифра восемь. Так что, восемьсот? Договорились?

– Боже, Конни! – ахнул Киркби. – Впрочем, ладно, пусть будет восемьсот с половиной. Эта лучшая цена, какую я могу тебе предложить. И только потому, что ты мой самый лучший друг. Так что, Кони, соглашайся, или забудем это дело.

– Ладно, дай мне время подумать, – сказал Конрад. – Рад был с тобой поговорить, Арни. Передай привет жене, хорошо? – Повесив трубку, он посмотрел на Артура Форестера и торжествующе поднял большой палец. – Но пусть старина Арни поволнует в ожидании моего ответа. К чему торопиться, верно? – Конрад встал и, подойдя к столику, наполнил два бокала шерри, один из которых передал Артуру. – За «Таун-Хаус», – сказал он, чокаясь с Артуром.

– Точно, за «Таун-Хаус»! – согласился Артур.

История совершения Конрадом Хилтоном самой важной сделки в Лос-Анджелесе и сегодня представляет интерес. В середине января 1942 года – сразу по возвращении Конрада в Лос-Анджелес после поездки в Техас к матери и во Флориду к брату – Арнольд Киркби

намекнул, что, может быть, решит продать одно из своих самых крупных приобретений, «Таун-Хаус». Это кирпичное здание в тринадцать этажей с роскошными апартаментами, декорированными в смешанном стиле Возрождения и ар-деко, высилось в районе Уэстлейк Лос-Анджелеса.

Впервые Конрад узнал об этом доходном доме в 1937-м, когда киноактер и ловкий бизнесмен Лео Карилло пригласил его погостить в своем поместье, расположенном в каньоне Санта-Моника. Построенное в 1929-м крупным нефтепромышленником Эдвардом Доени по чертежам архитектора Норманна Олпау, это престижное здание с дорогими апартаментами, обращенное одной стороной к прекрасному парку Лафайет, из-за депрессии переживало трудные времена. Интересно ли оно Конрада? Да, сказал он Арнольду Киркби, интересно. Но сначала ему нужно на него посмотреть, что он и сделал, вернувшись в Лос-Анджелес.

«Таун-Хаус», окруженный по периметру стройными пальмами и расположенный рядом с модным бульваром с изысканными ресторанами и роскошными магазинами, поразил его воображение. Однако, когда Конрад вошел внутрь и стал расспрашивать служащих, выяснилось, что практически дом пустует – еще один характерный признак того времени. Люди были напуганы, бомбившие Пёрл-Харбор японцы подошли слишком близко. Все опасались, что если им удастся уничтожить на Гавайях военный флот страны, то затем они вторгнутся в Техас. В результате всего этого экономика Лос-Анджелеса была сильно ослаблена. Единственным светлым пятном была киноиндустрия, продолжавшая бурно развиваться с 1930-х по 1940-е годы, несмотря на то что многие ее директора (Фрэнк Капра, Джон Форд, Джон Хьюстон и Уильям Уэлмен) и талантливые актеры (Кэрол Ломбард, Джимми Стюарт, Тайрон Пауэр, Кларк Гейбл, Лесли Говард и Роберт Тейлор) ушли на фронт.

И все же такой оптимист, как Конрад, был уверен, что эти трудности долго не продлятся. И он не собирался из-за временных затруднений потерять это здание, способное приносить большую прибыль. Он заметил, что на кораблестроительные и авиастроительные заводы со всей страны съезжаются рабочие, инженеры и промышленники.

Вернувшись во Флориду из поездки в Калифорнию, Конрад встретился с Артуром Форестером, который был не только его пресс-секретарем, но и советником в вопросах бизнеса. Обсудив с ним сделку, Конрад позвонил Киркби и сделал ему предложение. Поторговавшись, Киркби назвал ему свою цену – 850 тысяч.

– Как думаешь, у него было достаточно времени подумать? – спросил Конрад у Артура.

– Конечно, – засмеялся Артур. – Кони, хватит мучить его неизвестностью.

Конрад снова заказал междугородний разговор и, когда Киркби подошел к телефону, сказал ему:

– Ну, дружище, твоя цена в 850 тысяч принята... Сегодня я вышлю тебе чек, чтобы закрепить сделку. – Улыбнувшись Артуру, он положил трубку. – Более легкой сделки у меня еще не бывало. Может, стоит применять этот способ почаще.

Вот так, всего за два междугородних разговора, Конрад Хилтон заключил очередную крупную сделку – приобрел «Таун-Хаус» всего за 850 тысяч долларов. (Большую часть этой суммы он получил от недавней продажи отеля «Сэр Фрэнсис Дрейк», легендарной достопримечательности Сан-Франциско.)

«Конрад Хилтон умел выгодно использовать ситуацию, – говорит Кэтлин Бейрд, директор Архива Конрада Н. Хилтона в Университете Хьюстона. – Он понял, что из-за перспективы японского вторжения на Западное побережье – чего люди серьезно опасались – цены на недвижимость падают, и поэтому сумел приобрести «Таун-Хаус» по цене лишь немного выше предложенной им первоначальной цены».

Как только все формальности были закончены, Конрад, как всегда после покупки новой недвижимости, произвел в отеле серьезные переделки. Так он придавал им своеобразный, собственный стиль, отличающий его отели от прочих. В «Таун-Хаусе» он устроил плавательный

бассейн с пляжем из белоснежного песка и большой теннисный корт, а затем окончательно переделал этот жилой доходный дом в отель. (Разумеется, он оплатил переезд на новое место жительства тех, кто проживал в нем на момент продажи дома.) Отель сразу начал приносить доход. В то время как в 1941 году прибыль составила всего 33 тысячи долларов, в 1942-м роскошный отель Хилтона дал 200 тысяч дохода. С этого момента он постоянно приносил минимум четверть миллиона долларов дохода. Хилтону очень нравился его новый отель. Он оборудовал в нем деловые офисы и зарезервировал несколько номеров для своих друзей, где они могли останавливаться, приезжая в этот город. Он стал домом для него самого, деловых друзей и множества родственников.

Глава 8

Ухаживание за Жа-Жа

Со дня знакомства с Жа-Жа прошел уже месяц, а Конрад Хилтон не мог о ней забыть. Для него это было нехарактерно. Обычно его увлечение женщиной рассеивалось уже через два-три свидания, а после физического сближения он сразу утрачивал к ней интерес. С Жа-Жа у него не было близости, возможно, именно поэтому она продолжала его интересовать.

Когда «Таун-Хаус» окончательно стал принадлежать ему, он заехал домой к Жа-Жа и повез показать ей свое последнее приобретение. Впервые за много лет, точнее, с его брака с Мэри, он смог поделиться с женщиной тем, что составляло его гордость. Вскоре они стояли перед внушительным зданием – она в одолженной у сестры меховой шубке, он в строгом костюме и в ковбойской шляпе. На фотографии, сделанной в тот день, они выглядят нарядными, как будто это был праздничный день, а не будничная среда.

– Ну и как он тебе? – спросил Конрад. – Я только что его приобрел, – растягивая слова, добавил он.

Жа-Жа на мгновение лишилась речи.

– Это твое? – наконец выговорила она. – Это потрясающее здание теперь твое?

– Так оно и есть, – горделиво улыбаясь, отвечал Конрад, довольный ее изумлением и восторгом.

– И что ты с ним будешь делать? Может, когда-нибудь ты позволишь мне жить в нем? – спросила она, хлопая длинными ресницами.

– Может быть, – с улыбкой кивнул он.

– А может, мы поженимся? – с надеждой спросила она.

– Может быть, – сказал он.

Он не мог на нее наглядеться, упивался тонким ароматом ее французского мыла. У нее была восхитительная улыбка, изумительный цвет кожи, идеальный овал лица, вся ее стройная и пышная фигурка была полна чувственной привлекательности. Он понимал, что в ней заключался его шанс на настоящую любовь, и не собирался упускать этот шанс.

Адвокат Грегсон Баутцер, ее друг, который был с ней в день ее знакомства с Конрадом, предупредил ее:

– Только не заговаривай с ним о браке. Он убежденный холостяк. Скажи хоть слово о женитьбе, и больше тебе его не видать.

Но он не знал, что уже в первый вечер она намекнула Конраду на свою готовность стать его женой, что он за ней ухаживает, а теперь, кажется, всерьез думает об их совместной будущей жизни.

Будто восполняя потерянное время, Конрад каждый день присылал Жа-Жа цветы и каждое утро звонил ей в квартиру Эвы Габор, которая жаловалась, что он не дает ей выспаться. (В маленькой тесной квартирке сестры спали на одной кровати.) Конрад не только ежедневно заезжал за Жа-Жа, чтобы вместе поехать на ланч, но почти каждый вечер приглашал ее на ужин, после чего они отправлялись танцевать в самые модные дансинги бульвара Сансет. Никогда он так много не выезжал, как в эти дни с Жа-Жа, и вместо того, чтобы после напряженной работы отдохнуть дома, он наслаждался каждой минутой, проведенной с этой экзотической красавицей. А бедной Эве приходилось туго, ибо, возвращаясь поздно ночью домой, Жа-Жа невольно будила ее. Чуть ли не каждую ночь, когда Конрад подвозил Жа-Жа на своем белом «кадиллаке» к дому Эвы и выходил из машины попрощаться с нею, он случайно прислонился спиной к автомобильному рожку, который оглашал темную улицу оглушительным гудком.

– О господи! Ну что за недотепа! – восклицала Эва. – Не дает поспать ни ночью, ни утром! Выходи за него, иначе я не вынесу этого и умру!

Жа-Жа тоже с удовольствием проводила время с Конрадом, осыпая его комплиментами и лестью, особыми знаками внимания и всеми способами старалась быть ему отличной компаньонкой. Действительно ли она охотилась за его деньгами? Разумеется.

– Как можно было воспринимать Конрада отдельно от его денег? – спустя годы говорила она. – Неужели меня мог заинтересовать мужчина старше меня в два раза, если бы у него не было состояния? Не думаю. Во всяком случае, в тот период моей жизни. Я была молода, впечатлительна и впервые оказалась в Голливуде.

Спустя много лет, после многочисленных браков, Жа-Жа Габор называли «самой преуспевающей куртизанкой двадцатого века».

Конрад догадывался, что ее восхищение некоторым образом связано с его состоянием. Он понимал, что она не была наивным ребенком. Еще в юном возрасте у нее были связи с влиятельными и богатыми мужчинами. Так, он выяснил, что до приезда в Штаты, когда она была еще подростком, у нее была романтическая связь с Мустафой Кемалем Ататюрком, первым президентом Турции. Затем она вышла замуж за другого человека, с которым теперь разводилась, так что ее никак нельзя было назвать неопытной и наивной.

– Мне нужен добрый и понимающий человек, – как-то сказала она. – Неужели это слишком, желать в мужья миллионера?

Но Конрад был слишком увлечен ею, чтобы задаваться вопросом, действительно ли ей нужны только его деньги. Он добивался ее, хотел быть с нею и абсолютно не воспринимал всерьез замечания о том, что она ему не пара, что она руководствуется только материальными соображениями.

Через несколько месяцев после знакомства с Жа-Жа Конрад решил познакомить ее со своей восьмидесятилетней матерью, которая по-прежнему жила в Эль-Пасо, Техас. Это говорило о том, как много стала значить для него Жа-Жа. Ему нужно было ехать в Мехико, чтобы одобрить переделки, совершенные в новом «Паласио-Хилтон», – благодаря одной сделке, заключенной в ноябре предыдущего года, он собирался открыть этот отель в Чиуауа уже в апреле. И он решил по дороге заехать с Жа-Жа в Техас.

С раннего детства сестер Габор обучали искусству привлекать к себе симпатии людей, и Жа-Жа пустила в ход все свое умение и шарм, чтобы понравиться Мэри Хилтон. Прирожденная рассказчица и выдумщица, Жа-Жа рассказывала ей о своей матери Джоли, о том, как она по ней скучает, о том, как трудно им жилось в Будапеште. В середине 30-х нацистские штурмовики Адольфа Гитлера приступили к завоеванию всего мира, и еврейской семье Габор грозила опасность оказаться в концлагере. А пока война еще не коснулась Венгрии, у них был свой бизнес, в том числе магазины по продаже ювелирных изделий и модной одежды. Они прекрасно жили в Будапеште, но скоро этому благополучию должен был прийти конец, поэтому Джоли посоветовала ей и Эве уехать в Америку. Девушка отчаянно скучает по своей семье и каждый день пишет им письма. Было видно, что она очень любит своих домашних.

Жа-Жа рассказывала, что ее сестра Магда в настоящее время участвует в движении Сопротивления в качестве медицинской сестры Красного Креста и помогает военнопленным полякам попасть в Египет, где они могли вступить в 8-ю армию под командованием генерала Монтоммери. Жа-Жа ужасно боится, что Магду раскроют и убьют, она постоянно об этом думает. Эти трогательные истории в прочувствованном изложении Жа-Жа задели сердце Мэри Хилтон. Вскоре она стала называть Жа-Жа «этой милой девочкой».

«В свою очередь, Мэри рассказала Жа-Жа Габор о тяжелой жизни своей семьи, о неудачном начале карьеры сына, об их первом бизнесе, о рискованных предприятиях и о том, как эти риски в конце концов оправдались», – вспоминал один из родственников Хилтона.

В целом Мэри Хилтон одобрила Жа-Жа Габор. Однако посоветовала сыну подумать, прежде чем брать ее в жены. «И ты понимаешь почему, – сказала Конраду мать. – Ты никогда

не сможешь жениться на этой девочке. Так что выкинь эту мысль из головы, Кони. Забудь об этом!»

Глава 9

Препятствия католической веры

– Церковь не даст мне разрешение жениться на Жа-Жа, и я не знаю, что делать, – говорил Конрад.

Гостиничный магнат созвал экстренное совещание в кабинете своего особняка в Бель-Эйр. На совещании присутствовали девятнадцатилетний Ники, а также несколько деловых помощников и католический священник Лоренцо Малоне, его верный друг и партнер по игре в гольф. По словам одного из присутствовавших, Конрад заметно нервничал, на что у него были причины.

Для его брака было два больших препятствия. Во-первых, Жа-Жа Габор не была католичкой, во всяком случае, так считали большинство людей в то время.

«Я приняла учения католической церкви, – как-то сказала она, – но потом полностью игнорировала их и поступала как хотела». Надеемся, она пошутила. Дело в том, что однажды, когда Конрад спросил Жа-Жа о ее вероисповедании, она объяснила, что ее мать была еврейкой, но отец принял католичество, но не смогла этого доказать, и, честно говоря, люди не знали, можно ли ей верить. Именно тогда Конрад понял, что не может полагаться на слова Жа-Жа. Интуиция подсказывала ему, что она лжет по самому важному вопросу – относительно своей веры. Со временем он убедился, что в угоду обстоятельствам она спокойно заменяет правду ловко состряпанной выдумкой. Это подтверждает и Синди Адамс, старинная знакомая семейства Габор, которая позднее стала соавтором автобиографии Джоли Габор: «Они лгали по любому поводу. Когда я писала книгу о Джоли, Эва собиралась вступить в 44-й (Адамс, конечно, шутила) брак. У нее было подвенечное платье с глубоким декольте. И между холмиками груди Эвы свисал огромный крест, больше чем крест на соборе Святого Петра. Поскольку Габоры евреи, я спросила: «Откуда этот крест?» И Джоли сказала: «Новый жених Эвы ненавидит евреев, поэтому в книге ты сделай нас католиками». Они всю жизнь жили вне реальности; никогда и ни в чем не были честными и правдивыми».

Вообще, вероисповедание Габоров не было непреодолимой проблемой. Хотя в то время католическая церковь не одобряла «смешанные браки», однако такие браки заключались, если пастор делал это не в церкви, а в своем доме, а также если муж или жена не были католиками, но обещали воспитывать детей в католической вере. Гораздо более важным препятствием было то, что католическая церковь не признала его развод с первой женой, Мэри Баррон, следовательно, он до сих пор считался ее супругом. Церковь не признала бы любой его будущий брак.

Для Конрада это строгое католическое правило было серьезной нравственной и духовной проблемой. Чтобы Жа-Жа стала его женой, они должны были сочетаться гражданским браком, не освященным церковью. В результате он не сможет исполнять такие католические обряды, как причастие и исповедь. Хилтон был истовым католиком и сомневался, что сможет перенести остракизм со стороны церкви. Нет, это было немыслимым. Вот поэтому он и созвал это совещание.

– Итак, джентльмены, что вы об этом думаете? – спросил он.

– Думаю, Кони, у вас нет выбора, – как вспоминают, сказал отец Малоне. – Вы не можете пойти против церкви.

– Признаться, я не привык к отказам. Но это еще не конец. Мы собрались, чтобы рассмотреть эту проблему, – сказал Конрад, будто вел деловое заседание.

– Что ж, пожалуй, в виде исключения, можно будет получить у каноника разрешение на брак, – сказал отец Малоне.

– А это возможно? – удивился Конрад.

Никто не мог сказать наверняка, но все пришли к заключению, что в данных обстоятельствах это остается единственным выходом.

– Не знаю, – сказал священник. – Получить такое разрешение будет трудно, но попытаться можно.

– Вы попробуете это сделать? – спросил Конрад. – Я только прошу, чтобы вы попытались это сделать.

Отец Малоне обещал попробовать.

Глава 10

Конрад сообщает о новости Жа-Жа

В то время католическая церковь практически не выдавала разрешений на брак, если ее каноны запрещали это. После Второго ватиканского собора, состоявшегося в 1960-х годах, такие разрешения стали более обычными. Но у нас речь идет о 1940-х годах, когда церковные запреты соблюдались еще очень строго. Однако после встречи Конрада с отцом Келли и другими официальными лицами католической церкви Лос-Анджелеса у него появилась надежда, что в знак уважения к благотворительной помощи в пользу церкви они могут найти способ обойти этот запрет. Он действительно постоянно жертвовал церкви большие средства, а в 1940-м передал на благотворительные цели более 50 тысяч долларов – огромные средства по тем временам. Так что Хилтон покинул встречу с церковниками, полный надежд и воодушевления. Он верил, что эту проблему непременно удастся решить – весь жизненный опыт говорил ему, что безвыходных положений не бывает.

Но через неделю ему позвонил отец Келли и сказал, что, поскольку он хочет заключить брак в апреле, они не успевают подготовить необходимые документы. А после более тщательного изучения вопроса выяснилось, что, даже если он перенесет свадьбу на более позднее время, вряд ли он получит желанное разрешение.

На следующее утро Конрад с Жа-Жа прогуливались в его поместье по аллее парка, вдоль которой тянулись живописные цветники. День был ясным и теплым, в синем небе плыли легкие белоснежные облака.

- Дорогая, мне надо кое-что сказать тебе, – начал он.
- Что случилось? – встревожилась Жа-Жа, уловив напряженные нотки в его голосе.
- Мне тяжело об этом говорить, но наши отношения не могут продолжаться.
- Что ты хочешь сказать?
- Я не смогу на тебе жениться, – объяснил Конрад. – Это просто невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.